

Григорий Царьков

Восхождение на Мак-Кинли

Экспедиционный дневник

УДК 159.9+796011+369+821 (47)
ББК 88.4+60.564.04+65.272
Ц 20

Царьков Г.П.

Восхождение на Мак-Кинли: Экспедиционный дневник. – Уфа: Информреклама, 2010. – 114 с.: цв. ил.

Григорий Петрович Царьков получил тяжёлую травму позвоночника, у него отнялись ноги, врачи оказались бессильны помочь. Выписался из больницы инвалидом-колясочником 1-й группы. Но не пал духом, как многие в подобном положении, а стал примером для других, и не только для инвалидов. В 2002 году он совершает восхождение в составе команды на высочайшую вершину Северной Америки – гору Мак-Кинли.

Отрывки из предлагаемой книги печатались в журналах «Бельские просторы» (г. Уфа) и «Наш современник» (г. Москва).

Если вы хотите задать вопрос автору или приобрести книгу, можете связаться с нами по телефону или отправить письмо по электронной почте. Тел.: (34761) 2-13-30, 8-905 00 41919, e-mail: osa-margo@gambler.ru (Царькову Григорию Петровичу).

ISBN 978-5-904555-26-9

© Г. Царьков, 2010
© Информреклама, оформление, 2010

Предисловие

Неожиданно позвонил, где-то нашёл мой телефон Григорий Петрович Царьков:

– Не могли бы вы прочесть мой экспедиционный дневник о восхождении на Мак-Кинли? Как вы понимаете, мной при написании руководил совсем не писательский зуд. Сейчас столько отчаявшихся людей, в том числе поверженных этим пресловутым мировым кризисом, люди опустили руки, некоторые даже сводят счёты с жизнью, и я хотел показать им, что нет безвыходных ситуаций. А к вам я обращаюсь и как к писателю, и как человеку, знающему горы.

С некоторых пор я по возможности отказываюсь от читки всевозможных рукописей: по причине чрезвычайной занятости далеко не писательскими делами, а ещё по причине угасающего зрения и стремительно улетающего времени, которого не так много осталось. Но Григорию Петровичу Царькову я не смог отказать. Более того, признаюсь, я испытал даже нечто вроде гордости, что он прислал свою рукопись именно мне.

Кто такой Григорий Петрович Царьков и что такое Мак-Кинли? Пожалуй, начну со второго. Мак-Кинли – высочайшая вершина Северной Америки и самая северная горная вершина на планете выше шести тысяч метров над уровнем Мирового океана. Но это ещё не всё. Мак-Кинли – единственный шеститысячник, находящийся севернее Полярного круга. То есть помимо сугубо технических проблем при восхождении на Мак-Кинли возникают проблемы, мягко скажем, климатического порядка. Сверхнизкие температуры (от -40°C и ниже) с пониженной влажностью делают её климат одним из самых неприемлемых на Земле для человека. Самая большая опасность на Мак-Кинли – обморожение и переохлаждение. Сопротивление холоду понижается из-за высотного-кислородного голодания

(гипоксии) и обезвоживания. Но и это ещё не всё. Высота собственного альпинистского восхождения порой не связана с абсолютной высотой горной вершины над уровнем моря. Например, альпинистское восхождение на Эльбрус начинается с плато, которое находится на высоте 3 800 метров, на пик Ленина – с высоты 4 500, на Эверест – с 5 200 метров. Восхождение на Мак-Кинли начинается с 2 200 метров, то есть истинная высота восхождения составляет $6\ 194 - 2\ 200 = 3\ 994$ метра, что сравнимо только с восхождением на Эверест. Причём до начала подъёма на Мак-Кинли нужно пройти ещё 20–25 километров по располосованным опасными и часто скрытыми трещинами ледникам. Я не был на Мак-Кинли, но в какой-то степени могу представить сложность подъёма на эту вершину. Потому как восходил на вторую по высоте по отношению к Полярному кругу вершину – знаменитую Ключевскую сопку на Камчатке. Её высота 4 850 метров, но подъём на неё начинается почти с уровня океана – с высоты всего в 200 метров, к тому же уже на этой высоте на Камчатке, как и на Аляске, где находится гора Мак-Кинли, двадцатипроцентная нехватка кислорода. Из 14 человек, начавших восхождение в августе, когда внизу, в долине реки Камчатки, стояла двадцатипятиградусная жара, до кипящего кратера, на ребре которого был двадцатиградусный мороз со сбивающим с ног и пронизывающим ветром, дошли только четверо. Через несколько лет, снова в августе, я вернусь под Ключевской вулкан, чтобы показать замечательному хирургу и человеку, увы, ныне покойному, профессору Николаю Петровичу Никову, как я хожу, без преувеличения сказать, на «его» ногах, правую после тяжёлой травмы в пещерах, а потом переохлаждения в горах (всё это закончилось остеомиелитом) сшил буквально из ничего. Как было не соблазнительно, но до кипящего за облаками кратера из-за налетевшего с океана урагана я не рискну пойти, останусь в промежуточном лагере. А штурмовая группа во главе с известным хирургом-офтальмологом и путешественником, мастером спорта Эрнстом Мулдашевым вместо запланированных с запасом трёх суток вернётся от кратера только на пятые – с обожжёнными солнцем и обмороженными лицами. Молчаливый ужас стоял у них в глазах, и только

через много лет на моем юбилейном вечере Эрнст признается, что до кратера в тридцатиградусную пургу дошёл только он один и только из-за самолюбия: как это Чванов в своё время дошёл, а я, мастер спорта, не могу. Поэтому я имею некоторое представление о сложности восхождения на Мак-Кинли.

И теперь пришла пора рассказать о Григории Царькове. Григорий Петрович Царьков родился в 1959 году в Башкирии, в Зауралье, в Зианчуринском районе. После окончания средней школы получил специальность слесаря-электромонтажника в Самаре, тогда Куйбышеве. В 1977–79-е годы служил в Советской армии. После окончания службы уехал в Хабаровск, работал на кабельном заводе опрессовщиком, где его и настигла беда – в январе 1986 года он получил тяжёлую травму позвоночника, отнялись ноги, врачи оказались бессильны помочь. Выписался из больницы инвалидом-колясочником 1-й группы. В июне 1986 года вернулся на родину, в Башкирию, обосновался в городе Кумертау. Не только не пал духом, как многие в подобном положении, но стал примером для других, в том числе и не для инвалидов. Уже через несколько лет он – чемпион Башкирии в различных видах спорта для инвалидов, чемпион России в гонках на спортивных инвалидных колясках. В 1995 году принимает участие в пробеге на спортивных инвалидных колясках по маршруту Уфа – Кумертау, в 2003 году – по северо-востоку Башкирии. В 2001 году он без каких-либо сомнений принимает предложение Матвея Шпаро участвовать в отборочных тренировочных сборах на горе Эльбрус, с прицелом на восхождение на одну из высочайших вершин мира. И в 2002 году он совершает восхождение в составе команды на высочайшую вершину Северной Америки – гору Мак-Кинли.

Как вы, наверное, понимаете, я рассказал историю своего восхождения на Ключевской вулкан только для того, чтобы не искушённый в горных восхождениях читатель хоть в какой-то мере мог представить сложность восхождения на Мак-Кинли. Если вместе со мной на Ключевскую сопку поднимались физически здоровые люди, более того, спортсмены-восходители, в том числе мастера спорта, то на Мак-Кинли совершили восхождение, пусть не совсем самостоятельно, пусть с помощью

других, два инвалида-колясочника первой группы с атрофированными ногами. Это, безусловно, подвиг! Это подвиг вдвойне, потому что Григорий Царьков с Игорем Ушаковым из Курска совершили это восхождение не только для собственного самоутверждения, но и чтобы показать другим, что в жизни нет безвыходных ситуаций. Григорий Царьков так и заканчивает свой экспедиционный дневник-размышление: «Всем, кому сейчас трудно, кого сломило горе, недуг – всем вам хочу сказать, что выход есть!»

Включишь телевизор: сплошные олигархи, банкиры, провайдеры, дутые звёзды эстрады с их пошлыми проблемами-разборками. И уже не знаешь: они или мы живём в зазеркалье и где реальная жизнь. Наше высшее и не очень высшее общество со свихнутыми мозгами не интересуется жизнью простого человека. А ещё есть инвалиды – с детства, по несчастному случаю, по войне. Как они живут-выживают в наше суровое время? На улице мы невольно отворачиваем от них глаза, стараемся не замечать, словно их нет – на то есть социальные службы. А они не просто выживают, а ещё могут быть примером другим, вполне физически здоровым, как выжить в нынешней нездоровой обстановке. Как и вообще выжить. И потому великое спасибо тем, кто решился посвятить им свою жизнь или часть своей жизни – здесь, внизу, а не на горных вершинах, в обыденной горькой жизни. И тем, кто решился пойти с ними к горной вершине в одной связке. Я хотел бы особо отметить доброту и самоотверженность этих людей, прежде всего Матвея Шпаро, сына известного полярного путешественника Дмитрия Шпаро, в своё время пытавшегося помочь мне в разгадке тайны шхуны «Св. Анна», бесследно пропавшей в полярных льдах, штурманом на ней был земляк Григория Царькова уфимец Валерий Иванович Альбанов, который вопреки всему вернулся по плавучим льдам на тёплую землю и спас, кроме бесценных экспедиционных материалов, ещё одного человека. Остальные, в большинстве своём физически более крепкие, но менее крепкие духом, навечно остались во льдах. Люди, решившие идти к Мак-Кинли в одной связке с инвалидами-колясочниками, а для Григория Царькова и Игоря Ушакова это не просто горная

вершина, а одна из главных жизненных вершин, может, не представляли всей сложности будущего восхождения, и, может, в некоторых случаях они оказались ниже духом, чем те, кому они взялись помогать. Скажем им спасибо, живым и мёртвым, потому как после того невероятного напряжения уже дома остановилось сердце у Анатолия Соболева – врача экспедиции, специалиста по медико-социальной реабилитации инвалидов, опытного арктического путешественника, участника нескольких высотных горных экспедиций. А спустя какое-то время без вести пропал в горах Александр Губаев – мастер спорта по альпинизму, «снежный барс», старший тренер сборной Киргизии по альпинизму, серебряный призёр чемпионата СНГ 2001 года.

Михаил Чванов

Чванов Михаил Андреевич, известный писатель, путешественник и общественный деятель. Председатель созданного им Аксаковского фонда, вице-президент Международного фонда славянской культуры. Как спортсмен-спелеолог, руководил экспедицией, первой исследовавшей крупнейшую пропасть Урала Кутук-Сумган, за что в 1967 году Министерством геологии СССР был награждён почётным знаком «Отличник разведки недр».

Прошёл сотни километров малохоженных троп Южного Урала, Камчатки, Якутии, Памира...

Лауреат Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова и премии им. К. Симонова Международной ассоциации писателей маринистов и баталистов.

Награждён орденом Русской Православной церкви преподобного Сергия Радонежского.

Вступление

В многодневных путешествиях или экспедициях зачастую характер поведения диктуется не нашими желаниями, а особенностями климата, местности, продолжительностью пребывания и тому подобным. В связи с этим считаю необходимым предупредить читателя, что, прежде чем вынести на суд широкой публики события экспедиции, я всё хорошо обдумал. Если я говорю о каких-либо трудных моментах, о тупиковых ситуациях, в этом нет моей личной неприязни к кому-либо из участников. Моё отношение к каждому из членов экспедиции по-прежнему хорошее, с некоторыми из них продолжаю общаться до сих пор. В дневнике описаны мои чувства, мои оценки поведения того или иного участника в той или иной ситуации. В тех же ситуациях я был не сторонним наблюдателем, очевидцем, а непосредственным участником. Не забывайте о том, что мы находились все в одинаковых, ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ, условиях. И любой из нас мог совершить такой поступок, какой в условиях нашей повседневной обыденности ни за что не совершил бы. Особенной стала отметка 5 200 метров, где гипоксия (кислородное голодание) стала проявляться более сильно даже у тех, у кого она на высоте 4 200 метров была практически незаметна.

Команда

Матвей Шпаро – 1975 года рождения, москвич, руководитель экспедиции. В 1988 году вместе с отцом, полярным путешественником Дмитрием Шпаро, пересёк на лыжах Берингов пролив. В 2000 году руководил лыжным переходом через ледяной купол Гренландии.

Григорий Царьков – 1959 года рождения, место рождения: совхоз Сакмара Зианчуринского района, Башкирия. Инвалид 1-й группы, в 1986 году получил травму поясничного отдела позвоночника.

Игорь Ушаков – 1979 года рождения, родился в городе Курск, инвалид 1-й группы, в 1996 году получил травму поясничного отдела позвоночника.

Борис Смалин – 1961 года рождения, родился в городе Обнинск Калужской области. Опытный путешественник, с 1982 по 1994 год участвовал в пеших и горных походах. В 1987 году в составе команды пересёк с севера на юг пустыню Каракумы. В 2000 году участвовал в лыжном переходе через ледяной купол Гренландии.

Анатолий Соболев – 1949 года рождения, москвич, врач экспедиции и опытный арктический путешественник. Участвовал в нескольких высотных экспедициях, специалист по медико-социальной реабилитации инвалидов.

Олег Банарь – 1956 года рождения, Харьков, Украина. Руководитель альпинистской части экспедиции. Кандидат в мастера спорта по альпинизму, участвовал в восхождениях на пик Хан-Тенгри, пик Гаршербрум-2.

Виктор Афанасьев – 1979 года рождения, Майкоп, Адыгея. Альпинист 1-го разряда, кандидат в мастера спорта по скалолазанию, совершил восхождения на Эльбрус, пик Ленина.

Максим Богатырёв – 1975 года рождения, Майкоп, Адыгея. Руководил походами различных категорий сложности по гор-

ному, водному, лыжному туризму, совершил восхождение на пик Ленина.

Степан Гвоздев – 1967 года рождения, Красноярск. Альпинист 1-го разряда, опытный турист, участник многодневных зимних лыжных походов по Алтаю, горному Алатау, Туве.

Александр Губаев – 1964 года рождения, Бишкек, Киргизия. Мастер спорта по альпинизму, «снежный барс», старший тренер сборной Киргизии по альпинизму, серебряный призёр чемпионата СНГ 2001 года.

Александр Агафанов – 1958 года рождения, Бишкек, Киргизия. Мастер спорта по альпинизму, многократный чемпион Советского Союза, чемпион Вооружённых Сил СССР по альпинизму, участвовал в восхождениях на пик Победы, пик Коммунизма, пик Хан-Тенгри.

Гостеприимная Америка

6 мая. Соединённые Штаты Америки, город Сиэтл. Прилетели уставшие, сутки у нас увеличились с 24 часов до 36. Посетили клуб деловых людей. Он расположен на 75-м этаже небоскрёба, сооружённого из стекла и бетона, что для нас, людей провинциальных, очень непривычно. Страшно было подходить к стеклянной, на вид такой хрупкой, стене, но любопытство оказалось сильнее. Летели на знаменитом «Боинге-777». Матвей договорился, чтобы нас с Игорем разместили в бизнес-классе, сделать это было не очень сложно. Во-первых, свободны были почти все места, во-вторых, Аэрофлот – наш спонсор. Мы выиграли в комфорте, но в остальном проиграли, нас попросту не покормили. Хорошо, что Степан пришёл нас проводить, узнать, не нужно ли нам чего, и, как оказалось, нужно. Он сходил куда-то, и нам принесли поесть, предложили напитки – в общем, стало как у людей.

Из Сиэтла – прямым рейсом в Анкоридж. Встретили хорошо. Специально за нами была прислана машина с подъёмником для инвалидного кресла-коляски. Матвей хотел нас отправить на обычном легковом автомобиле, но Патрик, водитель, очень удивился: можно ли ехать инвалидам в необорудованной для них машине.

7 мая. Ночевали на горнолыжной базе для инвалидов. Сделали продуктовые запасы для экспедиции, немного успели расфасовать по рационам. Выяснилось, что в день на одного человека придётся из хлебобулочных изделий по полторы галеты и десять–двенадцать крекеров. Для нас, известных русских хлебоедов, этого очень мало.

Приготовили снаряжение и одежду. Ждём отправки в Талкитну. Когда собирался дома в эту экспедицию, жена Таня

настоятельно советовала взять тёплые вещи, но я отказался, рассчитывая, что раз такая серьёзная экспедиция, то и одежда будет достойной. Но на деле оказалось не совсем так. Нижнее бельё было тонким, хорошо что дали три пары. Олег, когда давал его, то ли в насмешку, то ли серьёзно объяснял: «Вот тонкое, вот среднее, а это толстое». Мы же между собой решили так: одно надел – это тонкое, ещё одно надел – стало среднее. Ну а когда все три комплекта на тебе – это толстое. Как тут не вспомнить совет жены взять тёплые вещи из дома.

Штаны-полукомбинезон из непромокаемой ткани оказались б/у, о чём красноречиво свидетельствовали заплатки. У Игоря – б/у пуховик. Как говорится, с миру по нитке, а у нас от прошедших экспедиций по одежке, и готово обмундирование.

8 мая. Приехали ночью в Талкитну. Небольшая деревня с посадочной полосой для легкомоторных самолётов. Ночевали в палатке под навесом, возле аэродрома, было тепло, но тесно.

9 мая. Утро началось с песни «День Победы». Кто первый запел, не помню, но допели вчетвером на весь посёлок. Получилось не очень правильно, но от души.

В течение дня фасовали продукты. Второй день идёт дождь. В Анкоридже жили в деревянном двухэтажном доме. Это горнолыжная база для инвалидов. Она расположена на окраине жилого сектора, рядом столовая. Всё приспособлено для инвалидов.

Заломнилось и отношение совершенно незнакомых людей. На удивление приветливо с нами здоровались, даже маленькие дети посылали приветствие, сжимая и разжимая ладошку. На этом фоне не могу не вспомнить, как однажды ехал на коляске по родному городу.

Навстречу шла молодая мама, ведя за руку ребёнка. Малыш, увидев меня, громко спросил: «Почему дядя большой, а на коляске?» Мама дернула его за руку и строго отчитала: «Смотри под ноги, а не по сторонам». Вот такой контраст. А ведь всего-то нужно было сказать, что у дяди болят ноги и он не может ходить.

Во время фасовки продуктов зашёл разговор о предстоящем подъёме на Мак-Кинли. Кто-то предложил сходить на гору и обратно за один день. Шутку не сразу поняли, ведь на Аляске сейчас полярный день, и впереди ещё не один месяц, пока он закончится.

10 мая. Артур разбудил всех в семь утра. На улице идёт небольшой снег, но и такое непогожее утро не смогло омрачить этот день, день моего рождения. Все меня поздравили, было приятно: всё-таки впервые отмечаю его в Америке. Постепенно погода наладилась, стало тепло и солнечно. Зарегистрировались у рейнджеров (спасателей). Меня почему-то записали лидером, то есть руководителем команды. Выглядит это так: экспедиция Матвея Шпаро, руководитель Григорий Царьков. Я принял это как ещё один подарок ко дню рождения.

Весна на Аляске только начинается. За недолгое пребывание заметил, что в здешнем обиходе много русских названий. Есть горный хребет Николай. Слова «вилка», «ложка» у эскимосов означают то же самое, что и у нас. Очень популярны изделия из дерева, резные рекламные щиты, фигуры животных, срубы жилых домов и административных зданий из калиброванного дерева, вместо пакли современный материал – силикон. Везде асфальт. Возле здания почты стоит телефон-автомат. Отсюда можно позвонить в любой уголок земли, где есть телефонная связь. Звонок в Россию стоит 25 центов, независимо от того, куда будешь звонить: на Камчатку (она рядом с Аляской) или к нам в Башкортостан. Сейчас мне из Америки дешевле позвонить брату в Хабаровск, чем из дома.

Да, деревни наши пока что очень разнятся по уровню жизненного комфорта. В наших деревнях в лучшем случае можно встретить таксофоны. Если есть возможность провести домашний телефон, можно пользоваться Интернетом. Цивилизация... Но мне, как городскому жителю, бывает приятно посмотреть на бревенчатый дом, украшенный резьбой, с палисадником в цветах, «журавлём» над колодцем. Воображение тут же рисует пруд со стайками гусей и одинокими фигурами рыбаков, телят, пасущихся невдалеке небольшими группками,

ну и, конечно же, весёлую, неугомонную ребятню. Такие неза *пришёл... на двенадцатые сутки. Невозможно представить, что мысловатые картины мне роднее, чем парадные портреты и пережил его напарник за эти дни, ожидая возвращения своего «вылизанных» заокеанских сестёр с размеренно текущим ритм спутника с восхождения.*

В условиях полярной ночи с ураганными ветрами и сильными морозами он продолжал ждать и тогда, когда закончился срок, ноотрез отказался ходить в горы не только с Артуром, но во-и академик Максимов. Матвей долго не мог сосчитать, сколько обще с кем бы то ни было.

11 мая. Спали в помещении аэропорта, было тепло, даже *продолжая верить в лучшее. После пережитого этот человек жарко. Спал без спальника. Ночью прилетели журналисты НТ* *наотрез отказался ходить в горы не только с Артуром, но во-и академик Максимов. Матвей долго не мог сосчитать, сколько обще с кем бы то ни было.*

же нас стало человек вместе с журналистами и гостями из Анкориджа, чтобы на всех приготовить завтрак. Вроде бы пустяк, но не хочется терять марку гостеприимного хозяина далека на память о пребывании в таком далёком и таком родном для россиян уголке земли.

Ездили с Игорем на смотровую площадку, смотреть Мак-Кинли возил нас Артур. Он живёт и работает в Анкоридже, переехал из России четыре года назад. На прежней родине жил в Рязани, был женат, но «заболел горой», разговоры у него только о Мак-Кинли. Заочно знаком с Агафоновым. Говорит, что Александр был его кумиром в детстве, и Артур хотел быть похожим на него.

Гора выглядит грациозно и недостижаемо. Эта величественная картина несколько поколебала мою уверенность в успехе экспедиции. Ведь не зря она у американцев не просто гора а символ красоты, величия, могущества. Очень популярны снимки горы при ярком освещении солнца. Она в это время золотистого цвета и притягивает взгляд как огромный золотой самородок.

Личный ледоруб Артура хранится в музее рейнджеров. Артур единственный, кто с 1963 года побывал на вершине зимой. Это было в конце декабря 1997-го – начале января 1998 года. Поднимались они вдвоём с напарником до отметки 3 300 метров. Отсюда Артур пошёл один, а напарник остался его ждать. У них был договор: ждать десять дней, а затем уходить вниз. Напарник не выполнил договора, и это в какой-то мере послужило Артуру спасением. Товарищ ждал его не десять дней, а двенадцать. И Артур

Сегодня были в музее Аляски. Оставил пару строк от себя на память о пребывании в таком далёком и таком родном для россиян уголке земли.

В 19.00 местного времени улетаем на ледник Кахилтна, что расположен на высоте 2 200 метров над уровнем моря и примерно в пятнадцати-двадцати километрах от Мак-Кинли. Вещи упаковали и отнесли к самолёту. Я забыл оставить посуду для еды, хотя об этом предупреждали, и остался без обеда, не хотел просить у других, чтобы не показать свою оплошность. Нужно быть не только внимательным, но и исполнительным, нужно так организовывать свой быт, чтобы всё было под рукой, да и вообще было... Нам раздали логотипы спонсоров, чтобы нашить на куртки, а я в Москве оставил нитки с иглой. Шил «цыганской» иглой, намучился. Скорее бы начать то дело, ради которого мы здесь.

Подготовка к восхождению

12 мая. Прошла первая ночь на снегу. Высота 2 200 метров. Она ощущается небольшой головной болью. Вчера ужин был какой-то сумбурный, неорганизованный. Сидели в «зиме» (большая круглая палатка) кто где и кто как. Полярный день демонстрирует свои положительные черты: в двенадцать часов ночи светло так, что можно без напряжения читать.

Но оказывается, что и среди белой ночи может присниться кошмар. Приснилось, что я в воде, нырнул ко дну, схватил горсть песка, а оттолкнуться, чтобы вынырнуть, нет сил. Сделал несколько попыток, устал до того, что стал терять сознание, и проснулся. Оказалось, что я с головой залез в спальный мешок, и мне нечем стало дышать. Это меня обрадовало, лучше быть с головой в спальном мешке, чем тонуть. Рассказал парням про свой сон, мне показали шнурок в спальнике, который нужно завязывать на шее, чтобы не залезать с головой в мешок. Из-за таких случаев бывали летальные исходы. Век живи... «Горняшка» (гипоксия) даёт о себе знать: ноющая боль в голове не проходит.

В соседнем ущелье сошла лавина. Перед её сходом послышался сухой треск или хлопок, а затем уже шум быстро несущегося снега.

Сегодня первый рабочий день. Хотя он и тренировочный, но это тот день, к которому я шёл ровно год. На ледник летели на двухместном самолёте, не считая пилота. Довольно неприятная штука, когда тебя трясёт, качает, всё вокруг скрипит – одним словом, страшно. Сегодня академик Максимов предупредил, что мне нежелательно подниматься на вершину, так как возможно сильное кислородное голодание. Но если в процессе подъёма всё будет хорошо и на высоте 4 200 м, и выше, то можно идти и на вершину.

На тренировку вышли под вечер. Это была первая тренировка, началась настоящая адаптация. Борис уже немного обгорел, он идёт со мной вместо Степана, и мы соседствуем с ним в одной палатке.

Генеральная репетиция на переносимость высоты и технику подъёма проходила на Эльбрусе. Поднялись сначала на фуникулере, затем по канатной дороге на высоту 3 800 метров, на «Бочки». Так называют этот лагерь потому, что жилые домики сделаны в виде огромных бочек.

Адаптация проходила очень болезненно, была постоянная ноющая головная боль. Спросил у Анатолия, как мне с этим бороться. Он сказал: «Или пройдёт само, или не пройдёт вообще». Успокоил...

С командой, которая пойдёт на Мак-Кинли, познакомился здесь, на Эльбрусе. Были все, кроме Губаева и Агафонова. С ними познакомился в Москве перед вылетом в Америку.

Через пару дней начались тренировки на специальных санях. Это приспособление похоже на инвалидное кресло-коляску, только вместо колёс – лыжи. Передо мной прикреплен рычаг высотой около девяносто сантиметров, на нём закреплен жумар. Альпинисты выше меня делают «станцию»: в снег забивают два кола, на короткой верёвке к ним привязывают блок, который, как и жумар, пропускает верёвку только в одну сторону. Верёвку длиной пятьдесят метров привязывают к саням, другой конец пропускают через блок и опускают обратно к саням. Пропускают её через жумар. Помощник позади меня держит верёвку, которая проходит через жумар, я отодвигаю рычаг от себя. Затем начинаю тянуть его на себя, жумар фиксируется, и я сам себя поднимаю вверх, а когда начинаю опять отодвигать рычаг, то фиксируется блок и не даёт мне съехать вниз.

В помощники мне дали Степана Гвоздева и Анатолия Соболева, нашего врача. Многие зовут его попросту Док. Мы спустились в какой-то неглубокий, всего метров пятьдесят-семьдесят, но очень крутой овраг. Я с помощью рычага поднимался наверх, меня спускали вниз, и так по несколько раз до обеда и несколько раз после. Подниматься было невероятно трудно: я недостаточно

подготовился физически, понадеялся на «авось». Но «авось» почему-то в горах не живёт, наверное, высоковато для него. Степан делал своё дело, Анатолий – своё, а я – своё. Радовало одно: после первых тренировок прошла головная боль. А это значит, что я переношу высокогорье. Признаюсь, что с завистью смотрел на Игоря. Как ему легко давался подъём за подъёмом! Ругал себя за халатное отношение к тренировкам. Через несколько дней после нашего знакомства со средством передвижения и подъёма мы начали восхождение на Эльбрус. Степан стал абсолютно другим, много помогал, шутил, а когда его спросил, почему он мне не помогал на тренировках, он ответил, что присматривался ко мне: могу я сам работать или буду надеяться только на него.

Поднимались мы так: идёт по верёвке первый, доходит до «станции», перецепляется на неё, затем по этой верёвке поднимается второй, доходит, также перецепляется на «станцию». Верёвку снимают, несут вверх на другую «станцию», пропускают через блок, и начинается опять подъём. Спали со Степаном в одной палатке и строили планы, связанные с восхождением на Мак-Кинли.

Перед подъёмом на скалы Пастухова, 4 800 метров, испортилась погода, потемнело, пошёл мелкий снег, и ветер, как будто дозированными рваными порциями, вырывался откуда-то. Вдруг где-то рядом загрохотало. Я удивился, что же это такое, не мог понять, откуда этот звук, пока не увидел разряд молнии. Мы находились в эпицентре грозы! Незабываемое зрелище.

На скалах Пастухова сидели трое суток в палатках – бушевала непогода. В первую ночь палатку почти всю засыпало снегом, осталась видимой только верхушка. Утром, часов в шесть, подошёл Борис, спросил, как мы себя чувствуем. Степан отрапортовал и попросил откопать вход в палатку. И только тогда, когда Борис поинтересовался, с какой стороны у нас вход, мы поняли всю опасность своего положения. В эти дни мы и познакомились со Степаном поближе. А когда мечтали об экспедиции на Мак-Кинли, представляли, как всё это будет, Степан обычно говорил: «Не переживай, Григорий, залезем мы на Мак-Кинли».

13 мая. Сегодня у Игоря день рождения, поздравил его, как только встали. Он как-то неловко улыбался. Смущается, наверное.

Молодой парень, всего 22 года. Весёлый, отзывчивый, немного наивный, общительный. Держится молодцом, не всё у него получается, но, главное, есть стремление чего-то достичь, не лежать на диване и мечтать, а действовать, воплощать свои мечты.

Он в семнадцать лет стал инвалидом: разбился на мотоцикле. Школу заканчивал уже в инвалидной коляске. Отношения у нас с ним дружеские, бывает, правда, что на правах старшего по возрасту наставляю его в житейских вопросах. Он иногда соглашается, иногда нет, но жизнь показывает, кто прав.

Были с ним в Москве, жили в Царицыно. Помощников в этот день у нас не было, а ему захотелось съездить в центр на метро. Отговаривал его как мог, что никто не захочет нас вытаскивать из подземки. Я за свои пятнадцать инвалидных лет устал кого-то просить. Легче отказаться от поездки и посидеть дома. Но он не согласился и уехал. Через несколько часов приехал какой-то обескураженный, радости от поездки не было и в помине. Оказалось, что в центре ему быстро помогли, а когда приехал обратно, обращался ко многим с просьбой о помощи. Кто-то отворачивался в сторону, кто-то прямо отказывал, и он около часа просидел внизу, не имея возможности выбраться наверх. Видя тщетность своих попыток выбраться просто так, решил попробовать заплатить за добро. Предложил продавцу цветов, чтобы он поднял его за пятьдесят рублей. Это был кавказец. Но он сделал это бесплатно. После этого урока Игорь перестал ездить на метро один.

День начинается опять хороший, солнечный. Мы уже третий день на леднике, и погода всегда солнечная и безветренная. На тренировке занимались на очень крутом склоне, было трудно, а порой невозможно самостоятельно подниматься. К вечеру погода стала портиться, появились перистые облака. На завтра назначена заброска продуктов и снаряжения по тропе восхождения. Жить в лагере уже устал, слишком долго длится подготовка, хочется быстрее включиться в настоящую работу. Максимов после очередного обследования дал добро

на высокогорье. Сегодня работали на спонсоров, пришивали логотипы на палатки. Было время оглядеться по сторонам. Перед глазами – невообразимо красивая картина: небольшое облако цепляется за вершину горы и при этом светится, как северное сияние, такая круглая разноцветная тарелка. Интересно наблюдать, вокруг много необычного, нового.

Привыкаю к Борису, а он, наверное, ко мне. Сегодня были подчеркнута корректны друг с другом. У нас со Степаном подход к работе одинаковый, а Бориса мне нужно ещё понять. Например, надо развернуть сани на сто восемьдесят градусов. Как-то залоось бы, чего проще: берёшь их спереди и разворачиваешь. Борис же сначала поправит их сзади, потом только идёт вперёд. Он как бы подготавливается к работе, примеряется то тут, то там, а потом, не торопясь, делает. Работали для НТВ.

Мак-Кинли манит к себе. Хочется быстрее начать восхождение. Одновременно гора страшит своим величием и недоступностью. Сегодня сделал открытие. После стольких ночей, проведённых в спальнике, я заметил, что молния пришита сбоку, а не посередине, как обычно бывает. Стало удобнее в нём лежать. Спальник, кажется, стал шире, и я спокойно могу спать на боку. В палатке места для двоих хватает, даже если поворачиваться с одного бока на другой.

Мак-Кинли манит...

14 мая. Спали в другой палатке, специально для телерепортажа. Было холодно. Борис оставил открытым вход, чтобы оператор снял нас спящими. Как у них получилось, не знаю, но из-за этого я замёрз. Фотографировались с флагами, вдруг в это время прилетел американский военный вертолёт. Мы, наверное, слишком громко кричали: «Ура!» Заброску продуктов и снаряжения отложили ещё на один день. После обеда – съёмки для НТВ. Завтра мы с Борисом дежурные, подъём в пять утра, чтобы в семь часов парни смогли пойти на заброску.

Сегодня был первый тренировочный поход далеко за лагерь. Мы с Игорем шли на палках, до этого тренировки были на жумаре. Шли траверсом, было очень трудно, нам не стали выдвигать лыжу. Поясню. Для движения траверсом (наклон влево или вправо) нам одну лыжу делали ниже другой, и мы могли сидеть ровно. После каждого толчка палками сани съезжали с тропы вниз, долго выбираешься, ещё толчок, и опять нужно выбираться на тропу. Иногда без посторонней помощи было невозможно подняться на тропу. После долгих мучений, видя, что до нашей проблемы никому нет дела, я в резкой форме обратился к Матвею. Он парировал: «Если трудно, нужно вернуться в лагерь, ох уж мне эти инвалиды». Мне стало неприятно. Хотя я понимаю, что не всё у него ладится как у начальника экспедиции, но почему-то мы с Игорем оказались крайними. Нам многое пришлось пережить, прежде чем принять участие в этом походе. Чтобы оказаться здесь, мы прошли отборочные туры, в каждом из них мы были лучшие. И попали сюда не по благотворительности. Многие мы можем делать не хуже других. И отношение к нам должно быть как к равным. По сути дела, все мы работаем на одно имя, наша экспедиция называется «Восхождение Матвея Шпаро».

По приходе в лагерь помолился, попросил Господа Иисуса, чтобы не срываться, а делать своё дело и быть спокойным. А спокойствие и хладнокровие очень нужны. После общения с Господом настроение наладилось.

В апреле 2001 года я в составе команды инвалидов нашего города был в Уфе на соревнованиях. Проходил весенний бег по шоссе в зачёт спартакиады инвалидов, которая проводится ежегодно. Проводит спартакиаду бессменный руководитель Габдуллин Фаниль Низамутдинович. Приехал, чтобы попрощаться с теми с кем не один год соревновался, я твёрдо решил завершить свои спортивные выступления. Мне уже перевалило за сорок. Здесь я встретился с Маратом Юсуповым. Он-то и рассказал, что нужны спортсмены для восхождения на гору, только почему-то вместо Мак-Кинли назвал Килиманджаро. Также сказал, что занимается всем Шпаро Дмитрий Игоревич. Я дал предварительное согласие и сказал, что после обсуждения с женой дам окончательный ответ. Приехав домой, рассказал Тане о предложении сходить в экспедицию не совсем обычную, но, как мне казалось интересную. Весь вечер мы с моей верной подругой возвращались к теме безопасности в горах, говорили о том, как же всё-таки можно инвалидам забираться на гору, и многом другим. Пришли к выводу, что можно попробовать, а отказаться никогда не поздно. Результат нашего разговора – я здесь в команде и отказываться от намеченного не собираюсь.

Наше восхождение начнётся с того, что мы спустимся на двести метров по склону, и только потом приступим к постоянному подъёму. До какой высоты дойдём, не знаю, но хочется до последней – 6 194 метра над уровнем моря.

15 мая. Подъём в пять часов. Как трудно расставаться с тёплым и вполне обжитым спальником! Но другого варианта нет. Завтрак не приготовишь, пока не выберешься на свет белый и не переберёшься в «зиму» – нашу кают-компанию и столовую. Воду мы накипятили с вечера, спать легли в половине первого ночи, и вода до утра не успела промерзнуть. Тонкая корочка льда быстро растаяла на огне.

На завтрак картофельное пюре с беконом, чай, кофе, какао, фруктовый напиток или кисель – на выбор. Главное, чтобы был кипяток. Над вершиной Мак-Кинли появились облачные тарелки. Как объяснили рейнджеры, это предвестники плохой погоды. Поживём – увидим...

Анатолий подшучивает на Игорем. Тот никак не может запомнить название «элеутерококк». У него получается то «элеукок», то «элекотерок» и так далее. Игорёк рассеян, постоянно что-то теряет. Думаю, это сказывается «горняшка». Она проявляется по-разному, в зависимости от индивидуальной реакции организма на недостаток кислорода. Игорь потерял часы и попросил Анатолия пойти поискать. Тот предложил Игорю поискать их на месте, где он сидит. Игорь ответил, что потерял их за лагерем, и попросил Анатолия пройти по тропе, по которой мы вернулись в лагерь. Тот ушёл, а Игорь нашёл-таки часы возле себя.

Парни ушли на заброску. Связывались с ними по рации, у них всё хорошо. Завтра наша очередь выдвигаться. Мы смотрим на маршрут и видим, как всё новые и новые команды уходят по нему к горе. Прилетели двое парней из Свердловска. У всех к нам особый интерес, наверное, не верят, что мы сможем пройти маршрут до горы и подняться на вершину. Медобследования проводятся каждый день. Наше состояние наблюдает академик Аркадий Максимов. На маршруте нас будет наблюдать наш Док, на каждом промежуточном лагере. Как нам объяснили, результаты, полученные в ходе нашей экспедиции, помогут медикам в работе с космонавтами. У них в невесомости работают в основном только руки, а ноги пассивные, так же, как и у нас, спинальников, кровь больше циркулирует в верхней половине туловища.

До второго лагеря примерно девять километров, высота 2 400 метров, далее расстояние между лагерями будет меньше. Надвигаются плотные облака, наверное, погода испортится. На обед приготовили кашу гречневую на сливочном масле с беконом. На ужин вермишель, угадайте, с чем? Правильно, с беконом! Скоро от него «устанем», а кушать нам его целый месяц, если не больше. Не успел рассказать про Игоря и его потери, как сам потерял чехол от спальника и пока не нашёл. Сколько находимся здесь, я не могу нарадоваться полярному дню. Ло-

жишься спать – светло, встаёшь – светло. А на Эльбрусе, чтобы утром одеться, по сто раз перетрогаешь все свои и своего напарника вещи, пока найдёшь то, что тебе нужно. Не зря всё-таки парни решили сходить на гору за «день».

В составе нашей экспедиции сегодня третий и последний день рождения – у Афанасьева Виктора, Витька, как все его зовут.

Завтра подъём в шесть часов, и если будет хорошая погода мы выдвинемся в первый промежуточный лагерь на маршруте ледник Кахилтна – Мак-Кинли. Слава Богу! Быстрее бы закончить начатое дело. Днём подходил Матвей, спрашивал, с кем мне лучше идти – с Максом и Губаевым или с Витьком и Агафоновым. Я сказал, что лучше с Максом и Губаевым, но пойду с Витьком и Агафоновым, потому что Борис не сможет сработаться с Максом и Губаевым. Матвей выслушал меня, положил руку на плечо, сжал пару раз, сказал «хорошо» и ушёл.

«Оппозиция»

16 мая. Подъём в шесть часов. Перед завтраком был разговор о том, что команда разобщена. Разговор был серьёзным. Матвей хочет сплотить команду, чтобы была как одно целое. Сильные лидеры – Александр Губаев и Агафонов. Богатырёв в лидеры не рвётся, но и не хочет ни под кого подстраиваться. Его кредо – быть независимым даже в команде. Эти трое, как считает руководство команды, находятся в оппозиции к ним. Матвею этот разговор давался с трудом, он несколько раз был на грани срыва, но всё же сдержал себя, и разговор не перешёл в банальное «выяснение отношений». А вот Борис сорвался, да так, что не только я удивился. Когда Матвей спросил, какие есть замечания по подготовке экспедиции, Губаев высказал своё мнение о недостаточно качественном нательном белье. Матвей сказал, что это несущественно. И тут Бориса, всегда уравновешенного, прорвало. Он с руганью набросился на Губаева, высказал ему много нелюбезного и даже перешёл на мат, чего раньше ни от него, ни от кого другого не было слышно. Губаев выслушал тираду бранных слов и спокойно сказал Борису, чтобы тот не матерился, ведь с ним разговаривают без мата. Но Борис уже и так выпалил всё, что хотел, и сидел молча, покрасневшийся, похожий на раскалённый чайник, из которого выкипела вся вода.

Как-то раз я стал случайным свидетелем разговора между Матвеем и Олегом Банарем, его замом по альпинизму. Олег сказал Матвею, чтобы он поговорил с ними, так как эти трое не хотят ему подчиняться, и что они в любое время могут бросить команду. Матвей ответил, чтобы он сам поговорил с ними, но Олег убеждал его взять этот разговор на себя. Лично я не замечаю в команде «второго лагеря», а то, что к их мнению необходимо прислушиваться, считаю правильным. Поговорил с Максом, по-

чему он так себя ведёт, как будто потерял интерес к экспедиции. Он говорит, что обиделся на них (Матвея и Олега). «Однажды, когда разговор зашёл о том, какие будут предложения по улучшению движения, облегчению работы и так далее, я предложил купить двойной скотч для наклейки камуса на лыжи. Он стоит копейки, а пользы от него было бы много. Ты же сам видишь, что камус плохо держится даже на ровном месте, когда тянешь гружёные сани. Когда будет хоть небольшой подъём, придётся идти без лыж, а это потеря в скорости», – сказал Макс. Я ему ответил, что обида мешает в первую очередь ему самому. Нужно не обижаться, а продолжать то дело, которое поручено. Я видел, что Макс всё прекрасно понимает, но есть большая разница между просто делать и делать с желанием. «У меня есть задумка изменить способ вашего с Игорем движения, – продолжал Макс, – но не хочется об этом говорить из-за равнодушия. Ты говоришь, а тебя не слышат, на тебя смотрят и не видят. Это я про наше начальство, но ради вас с Игорем не буду молчать, и мы попробуем этот способ».

Переход до следующего лагеря прошёл хорошо. Игорь с места рванул во всю прыть и пришёл раньше меня часа на два. Я рад, что он горит желанием идти вперёд. Шли на палках. У меня был пакетик со смазкой для лыж, чем я и воспользовался примерно посредине маршрута. Пересел на снег, перевернул свой снаряд, смазал лыжи, и двигаться стало легче. Во время этой процедуры меня обогнали двое в связке на расстоянии в семь-десять метров друг от друга и в снегоступах. Когда продолжил движение, они отошли от меня метров на сто, я увидел, что у последнего упал на снег коврик. Видно, парень плохо прикрепил его к рюкзаку. Не замечая потери, они шли дальше. Я стал свистеть, кричать, но они шли не оборачиваясь. Вдруг идущий первым остановился, за ним второй, и оба обернулись назад. Я помахал им рукой и показал на коврик, лежащий на снегу. Второй повернулся спиной к товарищу и медленно снял свой рюкзак, отцепился от страховки и пошёл обратно. Дойдя до коврика, поднял его, помахал мне рукой и вернулся к товарищу. Вот так, потеряв вещи, и замерзают, наверное, в горах.

Шёл этот промежуток восемь часов. Сейчас шесть часов вечера, только что поужинал. Ложусь спать, устал как морально, так

и физически. Сильно переживал о том, как пройдёт этот первый день, смогу ли я выполнить весь необходимый объём работы или нет. Шли этот маршрут на палках, было ровно, без траверсов, но всё равно устал. Радует то, что дошёл без посторонней помощи, хотя и предлагали перед самым лагерем, но я отказался.

...Очень скучаю по Тане и Саше. Познакомились мы с Таней на республиканской спартакиаде инвалидов с ПОДА (поражение опорно-двигательного аппарата). У нас, в Башкортостане, подобные соревнования проходят с 1989 года. Наш первый председатель Всероссийского общества инвалидов Республики Башкортостан Нурлыгаянов Флор Фаткулгаянович рассматривал спортивные соревнования как одно из главных средств реабилитации инвалидов. А продолжает начатое им дело Мануров Ринат Маратович, и спортсмены Башкортостана добиваются самых высоких результатов. В программе стрельба, плавание, шахматы, дартс, лёгкая и тяжёлая атлетика, армспорт. Вот на армспорте мы и познакомились. По регламенту соревнований в команде должно быть четверо мужчин и одна женщина. Инструктор пригласила Татьяну в команду ради «галочки», чтобы не было штрафных очков, а на деле всё оказалось куда серьёзней. Татьяна возьми да и выиграй! Мне пришлось выступить в роли «играющего тренера»: и выступать в команде, и подсказывать девушке, впервые участвовавшей в этом виде. Как подающую надежды спортсменку, Таню пригласили для выступления в лёгкую атлетику. А так как она ходит с палочкой, это позволяет ей выступать на коляске. Меня прикрепили к ней тренером. Она выиграла на спартакиаде и была приглашена в сборную Башкортостана для выступления на чемпионате России. И уже на сборах по подготовке к соревнованиям мы стали тесно общаться, многое узнавали друг о друге, гуляли на природе, нам было интересно вместе. Для нашего спортивного клуба Таня была ценной находкой. Она неоднократно выигрывала на российских соревнованиях, завоевала первой из женщин нашего клуба звание чемпионки России. А для меня она стала той женщиной, с которой я связал свою судьбу. В далёком 1996 году мы зарегистрировались. Это было в апреле, и я прекрасно помню то время.

В апреле же я заочно познакомился с Дмитрием Игоревичем Шпаро. Он позвонил к нам дамой и ненавязчиво, но очень подробно стал расспрашивать обо мне. Оказалось, что ему нужен был инвалид для участия в Экологическом пробеге на колясках по маршруту Семипалатинск – Челябинск – Чернобыль, и Дмитрий Игоревич предложил мне принять в нём участие. Если бы вы знали, как я мечтал сделать что-нибудь серьёзное в своей жизни, будучи уже инвалидом. А здесь такое заманчивое предложение! Но было одно «но», которое встало между мною и пробегом. Мы с Таней назначили бракосочетание на девятнадцатое апреля, и именно в этот день я должен быть в Питере для заказа коляски и урегулирования остальных процедур, связанных с пробегом. Я рвался на пробег, предложил Тане перенести бракосочетание, но она была тверда в решении: или сейчас, или никогда. Победила любовь, желание заботиться не только о себе, но и о других.

Я отказался от пробега, решив, что создать семью – тоже достаточно серьёзное дело. Очень благодарен Тане, что сейчас у меня есть семья – жена, сын Саша и серьёзное дело – экспедиция на Мак-Кинли. Дело я сейчас делаю, а вот по ним скучаю...

17 мая. Подъём в десять часов. Парни ушли делать заброску рано утром: им не до сна, работы неуправляемой. Тактика нашего передвижения такова: ставится верхний лагерь и делается заброска продуктов и вещей, на это отводится два дня. Затем выдвигаемся мы с Игорем, один день работаем, два отдыхаем, а парни работают каждый день, за исключением непогоды, которой пока ещё не было.

Ложусь спать в девять вечера, завтра подъём в шесть часов утра. Начинаем двигаться дальше уже не только на палках, но и на жумаре. Следующий лагерь на высоте 3 000 метров, на расстоянии примерно пяти километров.

Белоснежная улыбка

18 мая. Вышли в восемь часов утра, на палках прошли около километра и перешли на жумар. В течение всего дня меняли то палки, то жумар. Борис сильно переживал, что забыл взять термос с чаем, и этими переживаниями мешал мне нормально двигаться. Предъявлял мне претензии, что я мало налил чая в свой термос, что он не такой горячий, как ему нужно, и так почти весь день. Шли двенадцать часов, из-за траверса, и плюс время на обед. Очень сильно устал, никакие тренировки не смогут равноценно заменить сам процесс подъёма. Получается двойная нагрузка: моральная – не быть обузой – и физическая. Ночью долго не мог уснуть, ныли руки от напряжения.

По пути следования нас обгоняют много групп. В их составе люди разных национальностей, но больше всего американцев. Для них Мак-Кинли, как для японцев Фудзияма. Некоторые прилетают на ледник, чтобы на фоне горы отпраздновать свой день рождения. При нас были такие. Матвей говорит, что, когда разговариваешь с американцами, обычно идёт скучный диалог, а когда спросишь: «Вы были на Мак-Кинли?» – собеседник сразу оживает. Многие знакомятся с нами, жмут руку, желают удачи, стараются не показывать своего удивления, а только восхищение тем, что мы идём на такую сложную гору. Я понимаю, что они всячески стараются нас поддержать, и нам хочется доказать, что мы чего-то стоим.

Навстречу нам спускались двое рейнджеров, сказали, что на вершине ночью минус сорок, днём – двадцать–двадцать пять градусов ниже нуля. Как я уже писал, восхождение на Мак-Кинли начинается с высоты 2 200 метров, и ещё нужно пройти до горы примерно двадцать километров. Таких примеров нет в истории альпинизма. На Эльбрусе подъём начинается с высоты 3 800 метров, на пике Ленина – с 4 500, на Эвересте – с 5 200 метров.

Снаряжения у нас примерно на восемьсот килограммов, продуктов питания около семисот килограммов, всего полторы тонны. И это всё на плечах наших парней. Макс предложил новый способ подъёма на жумарах, не так, как мы шли на Эльбрусе, другим по одной верёвке. Сейчас идём независимо друг от друга и на разных верёвках. Это хорошо как для альпинистов – им не нужно лишний раз ходить вверх-вниз, хорошо и нам – каждый может идти своим темпом.

У меня на солнце сторели кисти рук и немного обгорело лицо, хоть я и сижу постоянно спиной к солнцу. Знаю, что нужно предохраняться как от солнца, так и от снега. Солнце отражается от снега и обжигает так же, как его прямые лучи. Получил ещё один горный урок.

Нас догнал Матвей. Он тоже, как и все, перетаскивает груз. Поинтересовался, как дела, как настроение. Я сказал ему, что, наверное, не смогу дойти до вершины, начинает болеть правая рука. Лицо Матвея стало серьёзным. Он озабоченно спросил, что случилось. Я ответил, что ничего не случилось, но дело в том, что все, кто нас обгоняет или идёт навстречу, хотят пожать мне руку, и от этого она начинает болеть. Он улыбнулся и сказал: «Дойдешь, пусть теперь Борис жмёт им руку за тебя» – и обогнав нас, стал медленно удаляться. Вдалеке появился Степан, который возвращался в лагерь за оставшимися вещами. Он принёс нам термос киселя и термос чая, наклонился ко мне дружески подбодрил. Не хочет, чтобы я оказался слабее, чем обо мне думает. У него до сих пор полностью не восстановилась рука, но весь положенный объём работы он делает сам.

Вечером на стоянке звонил домой поздравить Сашу с днём рождения. Здесь у нас вечер восемнадцатого, а в России уже утро девятнадцатого мая. Но не дозвонился, никого не оказалось дома.

Закончился ещё один трудный день, сколько их ещё впереди, неизвестно. Поднялись с 2 400 на 3 000 метров. Пока шла подготовка к экспедиции, порылся в энциклопедиях, чтобы по-лучше узнать, что же это за гора такая Мак-Кинли. Ещё не вид её, ещё не будучи уверенным, что попаду в основной состав команды, я «заболел горой», как говорят альпинисты. Мак-Кинли сверкала своей белоснежной улыбкой и манила.

Оказывается, первоначально самый высокий пик Северной Америки в горной цепи, называемой Аляскинской грядой, был назван горой Денали, что означает Высокая гора. Высота её 6 194 метра над уровнем моря.

Позднее Денали была переименована в гору Мак-Кинли в честь Вильяма Мак-Кинли, президента США, выпускником Принстона и золотоискателем Вильямом Дики. Он был одним из золотоискателей во времена «золотой лихорадки» 1896 года в районе залива Кука. Дики написал статью для «Нью-Йорк сан», где описал гору как самую высочайшую в Северной Америке, высотой более чем 20 000 футов.

«Когда позже его спросили, почему он назвал гору в честь Мак-Кинли, Дики ответил, что после того, как он словесно получил дубинкой по голове от сторонников серебряных денег, он решил с ними расквитаться, назвав гору по имени поборника золотых денег». Так пишет об этом факте Террис Мор в своей книге «Гора Мак-Кинли: первые восхождения».

С конца девятнадцатого века название горы не оставалось в покое. В 1980 году название «Национальный парк горы Мак-Кинли» было официально изменено на «Национальный парк и заповедник Денали». Комитет географических имён штата Аляска тоже официально изменил название горы на Денали. Переговоры об официальном возвращении исконного имени этой величественной горе продолжаются по сей день.

В любом справочнике вы найдёте требования к лицам, прибывающим в эти края. Во-первых, регистрация. Это обязательно для горы Мак-Кинли. Все члены экспедиции должны зарегистрироваться на станции рейнджеров в Талкитне за шестьдесят дней до прибытия. Списки членов одной группы должны быть посланы вместе, так как работники парка каждый год имеют дело более чем с 300-ми экспедициями.

Во-вторых, прописка. Все альпинисты, планирующие подъём на Мак-Кинли, должны пройти ориентацию и инструктаж на станции Талкитна, перед отправкой в горы. Также после возвращения вы должны немедленно выписаться.

В-третьих, мусор. Всё, принесённое в парк, должно быть вынесено. Нельзя оставлять никаких постоянных пищевых отходов.

в горах. Запрещено оставлять излишки пищи, горючего или какие-либо другие запасы. Правило предписывает выносить весь мусор. Экспедиции, поднимающиеся на Мак-Кинли, уносят с собой весь мусор, включая человеческие отходы. Строго предписано следовать инструкциям рейнджеров по ликвидации человеческих отходов. С этой целью могут быть использованы имеющиеся выгребные ямы. В других местах предлагается использовать биологически безвредные мешки. За неправильную ликвидацию человеческих отходов и мусора налагается судебная ответственность. Так регламентирует поведение посетителей руководство «Альпинизм в Национальном парке и заповеднике Денали».

Гора бывает очень не милостива к некоторым путешественникам. Свидетельство тому – книги. Вот что написано в «Американском альпинистском дневнике» Дугла Хелтона: «Мы поднялись в связке лицом к возобновившейся буре и неотступному ветру. Всё вокруг нас было холодным, даже наши души. Обморожение было готово прыгнуть при первом проявлении слабости, но мы оба продолжали играть наш победный матч с холодом. Климат Мак-Кинли жесток. Мы целиком полагались на наш гималайский опыт, только чтобы выжить, и наконец, полные уважения к горе, мы стояли на вершине. Потратив несколько часов на выкалывание несчастной крошечной ямки, но всё-таки без ветра и заноса мы провели такую же несчастную ночь».

19 мая. Встали в половине девятого, отдыхаем втроём, к нам с Игорем присоединился Борис. Он заболел, болит горло. Мы восстанавливаем силы, а все работают на заброске очередного лагеря. День хороший, солнечный, утром было минус пять. Сажу в «зиме», кипячу воду, на высокогорье она постоянно нужна. Сегодня дозвонился домой по спутниковому телефону, поговорил с Таней и поздравил Сашу с днём рождения, ему исполнилось уже пятнадцать лет. Скучаю по ним и жду не дожусь встречи с ними, с самыми родными и близкими мне людьми.

Время одиннадцать часов утра, Игорёк всё спит. Была возможность показать своё сапожное мастерство: починил Доку бахилы. Он остался доволен. Вчера на подходе к лагерю меня встречал Матвей. Пожал руку, поздравил с приходом в очеред-

ной лагерь, спросил о самочувствии и между прочим поинтересовался: если бы лагерь был дальше, смог ли бы я дойти до него. Я сказал, что да, но пришлось бы затратить гораздо больше сил. Вчера и так натёр первые трудовые мозоли. Меня радует день, который нам дают на восстановление сил. В лагере никого нет, мы предоставлены сами себе. Сколько хочешь можно читать Евангелие, молиться, никто не мешает. Отдыхаешь и физически, и духовно. Всё-таки тяжело изо дня в день быть постоянно на виду, среди малознакомых людей. Хотя и понимаешь, что в данный момент они тебе не чужие.

В альпинистах есть что-то христианское, они открыты для общения, готовы помочь в любое мгновение, не все, правда, но большинство, я думаю, такие.

Сегодня спускались мимо нашего лагеря двое французов или бельгийцев. Один из них упустил свои сани, они поехали впереди него, а он догонял их на лыжах, еле догнал. А товарищ вдоволь над ним посмеялся. Вечером приходил какой-то иностранец, у него было недомогание, и наш Док оказал ему помощь.

Русские идут

20 мая. Подъём в шесть часов, завтрак, и сразу же выходим. Прошли примерно три километра в длину и четыреста метров в высоту. Шли пять часов, нормально двигаться мешал траверс.

Иностранцы сегодня не обгоняли. В базовом лагере высотой 4 200 метров много разговоров о нашей группе. Если бы я писал заметку в газету о маршруте, который мы проходим, то заголовок был бы таким: «Русские идут». Альпинисты-иностранцы, глядя на нас, наверное, заключают пари, дойдут ли эти инвалиды до лагеря 4 200 или нет.

Борис сегодня часто падал, наверное, сказывается его болезнь. Иногда он просто повисал на верёвке, по которой я поднимаюсь. Она проходит у меня над левым плечом; когда Борис падает, она врежется в плечо, теперь плечо болит, ведь он весит не менее ста килограммов. Мы с Игорем работаем по своим возможностям, а на дежурства ходим, как все остальные, никаких скидок на инвалидность. Экспедиция – это то место, где наша справка о том, что мы нуждаемся в постоянном уходе, не даёт нам льгот. Впереди нас ожидает известное и неизвестное. Известное – мороз, ветер, крутые подъёмы. А неизвестное – как мы всё это преодолеем?

Сегодня разделся до плавок, тело отдохнуло от одежды, растёрся снегом, взбодрился. Вокруг всё очень величественно и красиво, разломы спрессованного снега и льда достигают высоты пятнадцать-двадцать метров, а есть и поболее. Запасы пресной воды огромнейшие. Столько снега я никогда не видел, даже если сложить все мои зимы за прожитые годы.

21 мая. Подъём в шесть часов, сегодня моё дежурство. Завтрак готовить не нужно, только накипятить воды, ведь практически все продукты сублимированные: залил горячей водой, и завтрак готов. Вчера вечером приходил Прусс из Анкориджа пообщаться.

Ему предложили брусничный кисель, мы им всех гостей угощаем, так как он очень вкусный. Но Прусс отказался. Аргумент его отказа был очень «весомый». По его мнению, мы, русские, очень коварные люди и можем под видом киселя дать водки.

Сегодня отдых, а завтра предстоит первая высота, где мы пойдём на страховке, до этого большой опасности не было. Подобрались к первому опасному участку, которых впереди ожидается, наверное, много. Приготовили по двадцать рационов наверх (рацион – суточная норма для человека). Хочется, чтобы нам их хватило для восхождения и спуска до этого же лагеря. Лишние продукты останутся здесь, на высоте 3 400. На ужин гречневая каша с беконом. Никогда не думал, что так долго придётся питаться этой кашей. Но, что интересно, она не приедается не только мне, но и всем остальным. Это, наверное, единственная крупа, которая быстро закончится. Устаёт поясница. Когда ложишься, начинает ныть. Накопилась усталость и мешает мне нормально жить.

Вдали видна тундра. Она похожа на реку во время ледохода: тёмная вода и белые пятна плывущего в беспорядке льда. А на самом деле тёмное – это земля, а светлое – где-то снег, где-то лёд. Также видна сплошная извилистая белая полоса, возможно, это река подо льдом. Поделился своими впечатлениями со Степаном, он говорит, что со следующей высоты вид ещё красивее. Но всё это завтра я, наверное, не увижу. Предстоит пройти два крутых подъёма, которые заберут все силы и внимание. После первого подъёма будет глубокий обрыв, и нам предстоит пройти по самому его краю. И вряд ли удастся вспомнить о красоте тундры.

22 мая. Подъём в пять часов сорок пять минут. Завтрак был отвратительный, пусть он останется на совести дежурных. Мы поднимаемся на четыреста метров по высоте и пройдем примерно два километра. Больше половины пути шли траверсом. Это движение отнимает на порядок больше сил, и после маршрута, не пообедав, лёг отдохнуть. Начинает сказываться высота и, конечно же, тяжёлая работа. После первых двух переходов не мог спать из-за боли в руках, всю ночь искал им место, куда их положить. Сейчас, слава Богу, этого нет. Когда прошли очень опасный участок – глубокое ущелье слева от нас – на выходе

был небольшой, метров пятьдесят, крутой подъём. Пройдя его, вышли на ровное место. Снизу жду, когда подойдёт Агафонов и перецепит меня на другую верёвку. Мимо прошли парень с девушкой. Метрах в пяти от меня опустили на свои рюкзаки, достали энергетические батончики и стали подкрепляться. Девушка стала разглядывать меня и, поймав мой взгляд, показала на свой бицепс, затем указала на меня, подняв большой палец вверх. Я обхватил свою ногу выше колена, штаны сжались, и я легко соединил пальцы, показывая ей удобу моих ног. Затем руку направил на неё и тоже поднял большой палец вверх. На что они оба весело расхохотались. Короткий перерыв закончился, они встали, помахали мне рукой и пошли дальше.

Степан постоянно проявляет заботу, переносит мои личные вещи из лагеря в лагерь, всегда интересуется, чем можно помочь. Мы понимаем друг друга с полуслова, нам легко общаться. Жаль, что из-за травмы он не может идти в паре со мной, мне было бы гораздо лучше и легче. Борис во время восхождения смотрит по сторонам, а о своих обязанностях забывает. Он как паровозик из Ромашкова, из мультфильма. Тот хотел увидеть рассвет, как цветут ландыши, чтобы не опоздать на всю весну. Так же и Борис, он видит облака, трещины, альпинистов, а о работе забывает.

Молва о нашей группе растёт и распространяется, мы постоянно на виду. Степан три раза сходил за вещами в лагерь на 3 000 метров из лагеря 3 400. А до нас дошёл слух, что наш альпинист сделал четыре ходки в лагерь на 2 800, это больше десяти километров в один конец, а ведь ещё и груз нужно тащить. Вот такие мы популярные, что про нас слагают небылицы. Это нам рассказал наш бывший соотечественник. Сейчас он живёт в Бостоне и с группой из семи человек тоже поднимается на Мак-Кинли. Те, кто нас догоняет, здороваются с нами по-русски, говорят «привет» и «удачи».

Здесь уже ощущается, что вершина становится ближе: чем выше поднимаемся мы, тем ниже опускается столбик термометра. Те, кто спускается с вершины, говорят, что там настоящая зима с ветрами и морозами. Конечно же, холод внесёт определённый дискомфорт, но я не перестаю радоваться тому, что в

палатке светло, для меня это такое же удобство, как электричество в доме. Поэтому чувство комфорта меня не покидает. Спускались парни из Свердловска. Они уже смогли подняться на вершину. Спросили у них: сможем ли мы поместиться всей командой на вершине или нет. Они улыбнулись нам и успокоили: «Сможете, всем места хватит!»

Место, где остановились и разбили лагерь, называется Бергшунд. Это ледник, у которого основная масса откололась от основания и съехала, отделилась от питающей его массы. Это место очень сильно испещрено трещинами как явными, так и скрытыми. Шаг влево или вправо с тропы опасен для жизни.

На пике Ленина, как рассказывали парни, Анатолий успел отойти с тропы всего на два шага и провалился по пояс. Степан успел срезать петлю метра на три-четыре и улетел на десять метров в трещину. Альпинисты, которые работают с нами, поднимались на пик Ленина в марте-апреле 2002 года. Шли друг за другом на небольшом расстоянии. Степан почему-то немного приотстал и решил сократить путь, срезав петлю, которую делает тропа. Витёк шёл впереди Степана, время от времени оборачивался назад и видел, как его догоняет Степан. В очередной раз обернувшись, он не увидел Степана. Быстро сообразив, что что-то случилось, он связался по рации с Максом и побежал вниз по тропе. Добежав до того места, где Степан свернул с тропы, он пошёл медленно по следу и через несколько шагов увидел в снегу дыру. Осторожно подойдя к краю, Витёк заглянул в неё и увидел глубоко внизу что-то тёмное. Это был Степан. Подошёл Макс, быстро обвязал себя верёвкой и стал спускаться с помощью Витьки вниз, где лежал Степан. Он лежал в воде, перемешанной со снегом, видно было только голову и грудь. Когда Степан падал, рюкзак перетянул его, и он упал на спину. При ударе он потерял сознание и что-то бормотал в бреду. Макс, обвязывая его, разговаривал с ним, не давая Степану провалиться в полное бессознательное. В течение двадцати минут ребята смогли вытащить товарища наверх, срочно стали спускать его в лагерь и оттуда вертолётном отправили в больницу Бишкека. Степан выбил предплечье, порвал связки мышц плеча, и его рука до сих пор полностью не восстановилась.

Адаптация продолжается

23 мая. Встали в половине восьмого. Борис лежит до последнего, а когда я уже наполовину оденусь, он тоже начинает одеваться. А вдвоём одновременно одеваться не хватает места. Мне-то одному, чтобы одеться, необходимо ложиться то на правый бок, то на левый. Предложил ему делать это по очереди, он согласился. Нас с Игорем кое-как вытолкали между трещин на тропу, и начался очередной рабочий день.

Мои помощники, альпинисты Александр и Витёк, сообщают о готовности свистом, а скалы вокруг отражают звук, и эхо уносит вверх и вниз, что русские идут, несмотря ни на что. Сегодня траверсом прошли Уинди кернер – «ветряной угол». Игорь сильно замёрз на этом ветру, и Док помог ему быстренько добраться до затишья. Маневр не остался не замеченным, и кто-то из иностранцев высказал сомнение, а действительно ли мы идём самостоятельно, может, нам постоянно помогают? Разговор об этом поднял Матвей, выяснил, кого толкали, зачем, и впредь запретил это делать. Я тоже замёрз, но не до такой степени, и прошёл этот угол самостоятельно. На месте рейнджеров я бы поставил на этом углу ветряки для выработки электроэнергии, чтобы снабжать станцию рейнджеров на высоте 4 200 электричеством. А сейчас для этого используются аккумуляторные батареи. Пересекли несколько глубоких трещин. Потрясающее ощущение. Дорогой вымотались, прошли около трёх километров, а устали очень сильно. В лагере на высоте 4 200 человек десять-двенадцать смотрели, как мы подходим к своим палаткам, и оживлённо переговаривались между собой. Парни говорят, что на таком интересе можно зарабатывать деньги, только нужно запустить тотализатор.

24 мая. Сегодня спал в «зиме». Поднялся очень сильный ветер, и мне было холодно. Проснувшись, подумал, что пора вставать, но оказалось слишком рано, было начало пятого. Снова

уснул и спал до семи часов. Встал, помолился, накупятил воды, позавтракал картофельным пюре с молоком, повил какао. Ночевали на высоте 4 200 вчетвером: я, Игорь, Док и Борис. После завтрака пилили фьорд – жёсткий наст снега и выкладывали стену вокруг лагеря. Игорь отдыхал до обеда, а потом мы с ним допиливали остаток. Соседи по лагерю подарили карту местности, где мы сейчас находимся. Я нанесу на ней наш маршрут.

Ночью и утром было ветрено, холодно, сейчас солнечно, тепло. Ждём наших парней, когда они поднимутся с грузом, чтобы накормить их. С Матвеем пытались сделать прикидку по времени: сколько уйдёт на подъём с высоты 4 200 на 5 200. Получается примерно пятнадцать часов. Истина где-то рядом. Вообще-то, прикидывать можно сколько угодно, а результат покажет само восхождение. Два Саши – Агафонов и Губаев – не проявляют рвения в работе. Они привыкли ходить со своей поклажей, а здесь много всего, да ещё наши с Игорем вещи. Они любят рассуждать что и как переносить, но сам процесс им не очень нравится. До вечера строили стену. Мы с Игорем пилили наст, а Док с Борисом выкладывали. Что-то Игорь стал уставать, раньше был позитивней. Утешает одно: молодой, есть время исправиться. Лагерь стоит прямо под горой, той самой, к которой стремились. Стена кажется отвесной, а ведь нам предстоит по ней подниматься. Поднялись Матвей и Олег, нас стало больше. Акклиматизация проходит хорошо, а на Эльбрусе на высоте 3 800 метров сильно болела голова.

25 мая. Встали в десять часов. Ночью поднялся сильный ветер. От абсолютной тишины до штормовых порывов ветра проходит буквально несколько минут. Утром ветер затих. Голова продолжает потихоньку побаливать, адаптация продолжается. Сегодня опять будем пилить снег. Это хорошо, что для нас есть физическая работа. Когда работаешь, организм быстрее перестраивается. Скучаю по семье. Хорошо, что есть маленькая отдушина – фото жены и сына. Из-за головной боли нет настроения, немного подавлен. Когда поднимаешься вверх, то склон, по которому идёшь, не кажется таким крутым, как если ты обернёшься назад и посмотришь туда, откуда пришёл. Иногда кажется, что впереди тебя ровная поверхность или даже небольшой уклон, но это

обман зрения. После крутого подъёма идёт небольшой перепад высоты, он кажется уклоном. Когда начинаешь проходить его, он плавно переходит в «ровное» место, а потом оказывается, что это всё равно подъём. Лишь задний обзор показывает правильную картину. Может, я уже писал про погоду. Она напоминает слоёный пирог или салат «под шубой». У нас на высоте 4 200 солнечно и тепло, на 3 400 – пасмурно и идёт снег, на 2 200 – тоже солнечно. Вот такая интересная погода здесь на Мак-Кинли.

В инструкции для восхождения на Мак-Кинли сказано, что трещины на склонах достигают шестидесяти метров глубины. Поэтому все, кроме российских альпинистов, идут от ледника Кахилтна в связках, хотя тропа натоптана, как просёлочная дорога. Даже чтобы набрать чистого снега для кипячения воды, один страхует другого на верёвке, вот такое у них отношение к собственной безопасности.

Сегодня и у меня пропала активность, наверное, как говорит наш Док, это биологически активный спад. Что бы там ни было, а делать ничего не хочется.

Наша команда по популярности вторая после горы, всем интересно, как же человек, у которого не работают ноги, хочет взойти на одну из труднодоступных вершин, если даже в жилой местности не везде может передвигаться самостоятельно. Приходят, смотрят наши снаряды, желают удачи, не скрывая восторга. Они вообще все открыты, по крайней мере, складывается такое впечатление.

26 мая. Сегодня встал в семь часов, накипятил воды и разогрел гречку на завтрак. Ночью голова немного болела, но как встал, боль прошла, сегодня мне лучше, чем вчера. Погода потихоньку портится: идёт мелкий снег, ночью было -20°C . Когда идёт снег, наши неудобства возрастают, потому что все носильные вещи намокают, а сушить нет где. Когда мороз или ветрено, для нас гораздо лучше хоть и холодно, но ты сухой и спать ложиться в сухую палатку.

Сидели до двенадцати ночи: приходил Джонни из Талкитной той самой, откуда самолёты вылетают на ледник и на облёт вокруг Мак-Кинли. Он играл нам на губной гармошке и немного на гитаре. Во время знакомства он никак не мог выговорить моё имя – Григорий. Назвал на свой манер Грегори, и нашим понравилось. Они весело смеялись. Теперь при знакомстве буду себя так называть.

«Это арктический альпинизм»

27 мая. Сегодня опять кипятил воду для всех. Игорь спросил по своей наивности: «Ты всегда теперь будешь дежурить?» А мне просто хочется помочь парням, они весь день таскают грузы, а мы отдыхаем. Поэтому я вызвался вставать и готовить кипяток, чтобы те, чья очередь дежурить, смогли поспать на час больше. Вчера приходил ещё один иностранец, он услышал гитару. Им, людям рассудительным и прагматичным, не понять, зачем нужно брать с собой гитару? Ведь это не предмет для восхождения на гору. И так много всего нужно тащить, а тут – гитара. Но нашим соседям по лагерю приятно прийти послушать, а иногда и сыграть, как Джонни. Днём постригал Макса. Почти каждый из наших принёс свой фотоаппарат и сделал снимок. Теперь я стану «знаменитым» парикмахером. Макс разделся, его голый торс я морозил минут тридцать. Он мужественно терпел. Вот уж истинно: красота требует жертв. После сеанса стрижки поехал к подножию горы на тренировку, встретил альпиниста. Он мне говорит: «Руча?» Я отвечаю: «Иес, раша». Он показал на себя, отрекомендовался: «Эспаньол» – и стал что-то спрашивать. Махал рукой в сторону вершины, что-то объяснял, но я так ничего и не понял. Объехав вокруг палаточного городка, вернулся к себе в расположение, залез в палатку. Но через некоторое время мне опять захотелось покататься, поработать, чтобы быстрее адаптироваться.

К концу дня снег усилился, но шёл уже не мокрыми хлопьями, а сыпался сухим и мелким пшеном. Видимость плохая, но и по такой погоде прилетал вертолёт, видимо, кому-то наверху стало плохо. По пустыкам, да ещё и в такую погоду вертолёт точно не полетит. Много обморожений, возвратов почти с вершины. Не дойдя каких-то пару сотен метров до цели, альпинисты спускаются вниз, чтобы не упасть обессиленными по дороге.

а дойти до промежуточного лагеря на высоте 5 200 метров. За теми, кто не доходит, прилетает вертолёт. Меня терзают сомнения: что же там, наверху, действительно всё так очень серьёзно и сложно или восхождения совершают плохо подготовленные альпинисты? Наступит тот день, когда и мне придётся пройти этот маршрут. Как же я себя буду там чувствовать? Мне боязно и хочется быстрее подняться туда, чтобы отпали все сомнения и осталась реальность, тогда уже точно буду знать: выдержу эту высоту или нет. Неумолимо приближается тот день, когда мы отправимся наверх и узнаем, как же там на самом деле. Как только наладится погода, ребята пойдут проवेशивать перила, поставят палатки, и только потом двинемся мы делать вызов одному из красивейших и недоступных символов Аляски. Одно могу сказать: подход к горе для нас был очень трудным. О восхождении скажу потом, когда пройду этот путь.

Порезал пальцы ножом, не заживают. Док говорит, это от недостатка кислорода. Как узнали у рейнджеров, вертолёт прилетал забрать одного парня. Он потерял сознание на высоте примерно шесть тысяч метров и пролежал там несколько часов, пока на него не наткнулся немецкий альпинист, его имя Том. Он по радию сообщил рейнджерам, те вызвали вертолёт. Прилетел вертолёт, сбросил конец верёвки. Том обвязал потерпевшего, и его по воздуху переправили на ледник на высоту 2 200. Там перенесли в самолёт и отправили в Анкоридж в госпиталь. Да, любое дело, к которому относишься как к самому главному, зачастую поглощает тебя полностью. И тогда человек забывает об осторожности. Иногда, идя к своей цели, не соизмеряет свои силы и возможности. Эти мысли не раз приходили мне в голову. Сомнения порождались и теми случаями, которые происходили в действительности. Приходили на ум воспоминания, описанные участниками прежних восхождений.

«Это не просто альпинизм, это арктический альпинизм, со своими особенностями и сложностями. Мак-Кинли остаётся совершенно уникальной среди мировых вершин. Расположенная на 63-й северной широте, она является самой высокой точкой около Полярного круга. Рассекая центральное плато Аляски, Мак-Кинли

обвеивается штормами залива Аляски и Берингова моря. Только в очень немногих горных областях мира погода меняется так стремительно резко. Приятный день путешествия по леднику может внезапно превратиться в день выкапывания снежной пещеры для выживания. Пронизывающий холод – ещё одна уникальная черта Мак-Кинли, сравнимая только с Арктическими кряжами. Гималаи – тропики в сравнении с Мак-Кинли. На Южном перевале Эвереста на высоте 26 200 футов в конце октября самая низкая температура, зарегистрированная нами, была по Фаренгейту ниже нуля (-15°C). На Мак-Кинли это рассматривалось бы как довольно тёплая ночь на высоте 14 300 футов в мае-июне. Разница температур между промежуточными лагерями и вершиной даже в середине лета обычно 20–40 градусов и ещё больше ночью. Сочетание резкой смены погоды и температур подавляет неподготовленного альпиниста. Мак-Кинли также существенно осложняет жизнь пониженным содержанием кислорода. Атмосферное давление здесь в сравнении с одинаковой высотой в горах, расположенных ближе к экватору, будет ниже. Эта разница становится более заметной примерно на уровне 10 000 футов, что приравнивает вершину Мак-Кинли к 21 000–23 000 футам в Гималаях (Эверест находится на 27-й северной широте) в зависимости от погодных условий. Атмосферное давление также ниже зимой, чем летом. Низкое атмосферное давление означает, что содержание кислорода в воздухе меньше. Поэтому Мак-Кинли является большим кислородным и физиологическим стрессом, чем можно было бы ожидать для её высоты». Такие факты удалось прочитать мне у Джонатана Вотермана в предисловии к книге «Выживая на Мак-Кинли».

Не противоречит ему и руководство «Альпинизм в Национальном парке и заповеднике Денали»: «Погодные условия меняются от ослепительного сверкания снега до суровых снежных бурь в белой мгле с ветром, превышающим 160 км/ч. Экспедиции обычно продолжаются от двух до пяти недель. Долгое заточение в тесной палатке или снежной пещере из-за плохой погоды – явление частое. Вызволнение больных или травмированных альпинистов, если и вообще возможно, бывает невероятно медлен-

ным и даже сомнительным, если погодные условия неидеальны. Вы должны быть наготове и иметь и иметь необходимое снаряжение для своего собственного спасения».

28 мая. Отсыпаюсь, встал в восемь часов. Ночью снег перестал и ударил мороз в минус тридцать. День уже разыгрался, а мороз не отпускает. За последние десять дней – десять спасательных работ. Статистика неутешительная. Поднимаются на вершину не более 60–70%. Остальные либо сами уходят вниз, не дойдя до вершины, либо на вертолёте, а некоторые остаются там навсегда. В 1984 году японский путешественник Наоми Уемура совершал в феврале одиночное восхождение на Мак-Кинли. К великому сожалению, это стало его последним путешествием, из которого он не вернулся. До сих пор неизвестно, поднялся он на вершину или нет, как и неизвестно, в каком месте он погиб. Это горы...

Сегодня передвигались с Игорем по глубокому снегу, из-за этого было труднее, чем вчера. Голова уже не болит, моя «вестибулярка» перестроилась. Погода испортилась в половине двенадцатого дня. Анатолий и Борис ушли на высоту 4 600 рыть для нас пещеру, чтобы в случае тяжёлого подъёма мы смогли там переночевать. Сел туман, правильно сказать, накрыло облако. Потеплело. Вот только выпавший снег портит спокойное проживание. Валенки, бахилы, перчатки мокнули, из палатки в палатку мы с Игорем перебираемся ползком, одним словом – дискомфорт. Наши «барсы» повеселели: начинается конкретная работа, где от них многое зависит. Они лучше других могут выбрать правильный маршрут, понимая всю специфику нашего движения. Но они говорят, что всё зависит от нас с Игорем, потому что экспедиция считается выполненной, если я и Игорь поднимемся на вершину. Ведь это то, ради чего мы здесь находимся.

Ночую в «зиме». На пять дней я опять дежурный, но теперь вместе с Игорем. На общем сходе Степан попросил освободить альпинистов от дежурства для большего отдыха. Матвей спросил нас, согласны ли мы. А мы что, мы, конечно же, не против. А парни тем временем будут провешивать перила и делать

заброски в промежуточные лагеря на высоте 5 200 и 5 900. Высота более 5 000 метров не позволяет организму восстанавливать силы, даже если ты ничего не делаешь. Нам как можно меньше нужно пробыть в этих промежуточных лагерях. Поэтому сейчас всё провешивается до вершины. А когда начнётся подъём, мы будем работать каждый день без выходных.

Снег перестал около десяти часов вечера, но хорошей погоды не обещают аж до следующей недели.

Один. Можно спокойно помолиться и спать.

«У вас одна дорога – только наверх...»

29 мая. Подъём в пять часов. Поднялись, как было намечено, накипятили воды, залили термосы горячим чаем. Парни позавтракали и пошли на работу, а мы легли спать. Проснулся в одиннадцать часов. Идёт снег, мелкая крупа. Делать ничего не хочется. Не хочется даже тренироваться, а хочется просто поваляться, поспать. Но, кроме моих желаний, есть руководитель, у которого другое мнение насчёт меня и, конечно же, Игоря. Пришлось отправиться на тренировку. Видел одного альпиниста, который возвращался с горы. Дошёл он до вершины или нет, я не знаю. Но шёл он, как человек в стельку пьяный качался из стороны в сторону, отступался с тропы, откидывался назад, затем вперёд, ловил равновесие. Разворачивался, смотрел на гору и неуверенными шагами шёл к своей палатке. Это зрелище меня поразило. Как же я буду ощущать себя на высоте 5 200 метров и выше? Рассказал об увиденном Матвею. Он сказал, что тоже его видел. А такое состояние вызвано «горняцкой», нехваткой кислорода. Степан подбодрил меня, сказав, что на высоте 5 200 метров у него всё было хорошо.

Непогода начинает надоедать. Снег идёт и идёт. Сегодня пришёл Хае из Германии. Он завтра уходит вниз, не смог подняться на вершину из-за непогоды. Он пришёл ко мне спросить мой e-mail. Им, европейцам, невдомёк, что для нас это ещё роскошь – компьютер. Я дал ему адрес для письма, он оставил свой электронный адрес. Вечером в «зиме» бурно обсуждали делать нам тренировочный подъём с обратным спуском в лагерь или нет. Матвей спросил наше мнение: нам нужна такая тренировка или нет. Я был за, Игорь тоже. Для хорошей адаптации альпинисты поднимаются выше своего лагеря, а потом спускаются обратно. Наши помощники восторга не выказали, но и отказаться не смогли.

30 мая. Встали в семь часов. Кто-то из уходящих вниз альпинистов оставил нам лишние продукты. Больше всего мне понравился лаваш, так как хлеб закончился, а галет мне не хватает. В рационе две галеты и десять небольших крекеров. Этого достаточно только на завтрак, а обед и ужин без хлеба. Позавтракали и пошли на тренировку. Поднялись до отметки 4 600 метров, прошли хорошо. Агафонов сказал, что, если мы согласимся спуститься вниз на 4 200, он помогать не будет. «У вас, – говорит, – теперь одна дорога, только наверх». Ночевали в пещере. Оказывается, не так-то просто в ней ночевать. Нужно привыкнуть к тому, что снег – это надёжный материал, не обвалится. Мы же к этому непривычные. Как бы ни было страшно, а спать где-то нужно. Мы с Игорем расположились на одной стороне, Матвей с Борисом в противоположной, остальные ушли в лагерь на 4 200. До отбоя пришлось немного потрудиться, выравнивая потолок, чтобы сидя не касаться его. Поужинали, я поделился лавашем, который взял с собой. Матвей по достоинству оценил мою сообразительность. Немного поговорили и спать.

31 мая. Спали до восьми часов пятнадцати минут, в десять должны прийти альпинисты, и мы продолжим подъём. Ночью проснулся от того, что стало трудно дышать. Разбудил Бориса, Матвей тоже проснулся, быстро встал и поправил рюкзак, которым загородили входное отверстие. То ли от сильного ветра, то ли ещё от чего-то он немного съехал и плотно закрыл вход. Кислород стал заканчиваться, а новый не поступал, поэтому стало трудно дышать. Минут через пять-десять все опять уснули. После разговоров о том, что так можно и задохнуться, мой сон состоял из периодических провалов, с интервалами то длиннее, то короче. Я с волнением ждал утра. Когда утром стал будить Матвея, Игорь зашептал: «Не надо, давай ещё поспим». Его никакие страхи не берут, молодой здоровый организм требует отдыха.

Сегодня мы продолжим подъём наверх, а потом вниз на 4 200. Подъём начали почти в двенадцать часов. С первых же метров – круто вверх, метров десять, затем полого метров тридцать-сорок, и через разлом небольшой, но глубокий, в ширину не-

много более метра, а в глубину раз в десять поболее. И вот оно, первое непреодолимое препятствие – «стеночка» чуть более двух метров высотой. За ней опять полого. Определить высоту стенки было просто: Борис ростом 190 см, а стенка немного выше него. Во время подъёма в гору необходимо держать темп, не делать резких движений. Но это не для нас с Игорем, у нас никак не получается двигаться одним темпом, чтобы не сбивать дыхание и сердцебиение. Несколько резких движений – и мои сани висят вертикально, не доставая с полметра до верха. Попытаюсь объяснить ситуацию: когда встречается такая или ниже стенка, то верёвка, по которой мы поднимаемся, прорезает край стенки, и если мне двигаться дальше по верёвке, то мои сани должны зарыться в снег и на определённой глубине двигаться вперёд, но этого, естественно, не происходит. Носки лыж поднимаются чуть выше верёвки, я нахожусь в «мёртвой зоне» и дальше без посторонней помощи продвигаться не могу. При помощи Бориса преодолел это препятствие. Хочу отметить, что в таком положении становится не по себе потому, что ситуация мне не подконтрольна и я целиком завишу от помощника.

Во время вечернего разговора Матвей просил отработать шесть часов. Как он говорит, это нормальный рабочий день. На моё возражение, что нам с Игорем достаточно и трёх часов Матвей попросил обосновать. Я сказал, что когда кто-то из вас идёт вверх, то пройдя определённый промежуток, вы наклоняетесь вперёд и повисаете на балках, разгружая поясницу. Или если позволяет рельеф, ложитесь на спину на рюкзак и отдыхаете. Матвей выслушал и отверг мои доводы: «Или проходит пятнадцать верёвок, или шесть часов работы». Но перед нашим выходом сказал, что выходим с опозданием, достаточно десяти верёвок, которые мы прошли за четыре часа. Спустились к пещере и хотели идти дальше, но Матвей остановил. По его мнению, нам с Игорем нужно ещё раз переночевать здесь для лучшей акклиматизации. Вчера же речь шла об отдыхе на 4 200. От пещеры мы отказались, и нам поставили палатку рядом с ней. Когда спускались, попросил Бориса помочь выправить перекрученную верёвку, на которой было шесть-семь «барашков». Но он не отреагировал, и я намучился, пока спустился.

Где же лето?

1 июня. Игорь удивился, почему я не встал рано, как делал это обычно. Объяснил, что торопиться некуда, за нами придут не раньше пяти часов, чтобы спустить вниз. Ужин и завтрак нам готовил Борис в пещере, где они с Матвеем ночевали. Еду приносил Матвей. Это было первое проявление внимания к нам. Как бы там ни было, мы иногда в нём нуждаемся. Вчера вечером, когда вернулись со склона, состоялось обсуждение подъёма. Прикидывали, за какое время сможем преодолеть этот «Спасательный кулуар» и так далее. Я сказал, что нам нужно помогать на «стеночках» и на очень крутых участках, где мы либо бессильны, либо за две-три минуты можем выложиться полностью, сбив дыхание. Кто-то посмеялся. Губаев предложил свою спину, чтобы затащить меня на вершину. Степан, от которого я не ожидал такого, обозвал меня лодырем и сказал, что это похоже на отказ работать как все. Мои попытки возразить, что я не лодырь и работать не отказываюсь, он не принимал. На этом вопрос о помощи был снят с обсуждения. Сегодня Макс признался нам без начальства, что он помогает Игорю так, как я предлагал. Что же творилось в тот момент у меня в душе, знаю только я и Бог. Хорошо, что промолчал и не высказал им всё. Ведь меня подняли на смех, а Игорь и Макс сидели и слушали, а может, тоже смеялись. Со Степаном напряжённые отношения. Не знаю, изменилось ли его мнение обо мне после того, как Макс признался, что помогал Игорю.

Сегодня первый день лета. Снег идёт большими хлопьями, и выпало уже много. Спустились на 4 200 быстро, без проволочек. Отрабатывали новую систему спуска, понравилось всем. Отдыхаем четыре дня и начинаем самый главный штурм. Спать буду один. Борис на высоте 5 200 метров с Матвеем и Анатолием. Утешает то, что при хорошей погоде можно за десять дней

дойти до вершины и спуститься вниз. Даже останется запас на непогоду. Одна ночёвка на высоте 4 600, вторая – на 5 200, день отдыха, затем ночёвка на 5 900, триста метров вверх и полтора километра в длину – и мы на вершине. Затем опять ночёвка на 5 900, на 5 200 и 4 200. Всё просчитано, всё кажется просто, но простота только на бумаге. Когда мы поднимались к пещере, то мне показалось, что правая нога сильно замёрзла, но слава Богу, это только показалось. Дай нам, Господи, хорошей погоды на восхождение! Дай нам сил и долготерпения друг к другу!

2 июня. Встал в одиннадцать часов. Сегодня выходной. Но как же не хочется вставать!.. Сразу же получаешь снежный душ на голову, за шиворот. Это всё конденсат, который превращается в иней на стенках палатки. Вот в этом отношении пещера лучше, в ней постоянная температура примерно минус три-пять градусов, и никакого конденсата. Получается, как у Твардовского, в поэме «Василий Тёркин»: то не нужна ему медаль, то подавай аж орден. То мне плохо в пещере, а то пещера лучше палатки. Может, это у меня «горняшка» сказывается. Когда солнце поднимается повыше, в палатке становится жарко так, что иней высыхает, а на улице мороз. Валенки и бахилы сырые из-за снега. Он всё идёт. А перед восхождением нужно всё высушить, чтобы не обморозиться. Парни устроили баню. Сняли одну палатку, поставили её за пределами лагеря. Занесли в палатку маленькие сани, они как детское корыто, только края пониже, греют в «зиме» воду и моются по очереди. Приходят чистые, радостные.

Олег, Витёк, Степан и Макс чуть не сгорели в «зиме». Степан опалил бороду, Макс ресницы и брови ввиду отсутствия бороды, на Витьке загорелась куртка. Олег опалил только волосы на руках. Он говорит, что всё произошло как в кино с участием каскадёров. В горящую горелку Олег стал доливать жидкость вдруг всё вспыхнуло – и бачок и канистра. Канистру он бросил на улицу через приоткрытый вход. В это самое время Витёк решил зайти в палатку. Увидев летящую на него, пылающую огнём канистру, отпрыгнул в сторону, но уберечься не смог. Загорелись и Витёк, и палатка. Он упал на снег и, катаясь по нему,

потушил пламя, а другие участники этого происшествия потушили палатку, но она успела прогореть. Сейчас каждый остерегает друг друга, вспоминая тот случай.

У нас идёт сырой снег; на высоте 5 200, где Матвей, Борис и Док, немного ветрено, а снега нет. Остальные ещё выше – на 5 900. Рейнджеры на предстоящие несколько дней обещают погоду ещё хуже. Как же это тяжело – пережить непогоду. Мало того, что всё мокрое, так ещё и нервное напряжение растёт из-за того, что нечего делать, сидим взаперти. Почти каждое утро нам оставляют продукты те, кто, покидая наш лагерь, уходят вниз. Нам эти продукты лишними не будут. Мы, наверно, будем брать вершину измором, многие сворачиваются и уходят, а мы должны дожидаться погоды. Оставляют нам и горючую жидкость, поэтому есть возможность кипятить воды столько, сколько нужно. Жаль, что к этой воде не всегда хватает чайной заварки. Иногда играем с Губаевым в нарды. Он учит меня правильно ходить, немного играть я уже научился. Как-то раз во время игры он стал извиняться и никак не мог задать свой вопрос. Когда так начинают разговор, речь обычно заходит либо о том, как я получил травму, либо о её последствиях. Но на этот раз я ошибся, он спросил о моём вероисповедании. «Это не праздный интерес, – сказал он, – хочу немного разобраться, как и что». Я ответил ему: «Моё вероисповедание строится на Евангелии, через принятие Иисуса Христа своим Господом и Спасителем. Иисус умер на кресте за грехи всего человечества, а на третий день воскрес, для оправдания тех, кто принял Его как своего Спасителя». Он задавал различные вопросы, например, о национальной принадлежности к тому или иному вероисповеданию. Я ответил, что для спасения в жизнь вечную через Иисуса Христа национальность значения не имеет. *(После экспедиции Губаев был проездом в нашем городе, со всей семьёй, женой и двумя детьми. Но, к сожалению, меня не было дома, я был в другом городе на соревнованиях. Татьяна накрыла на стол, они пили чай, общались. И здесь Александр задавал вопросы о вере, о Евангелии. Значит, там в горах, его вопрос не был праздным.)*

А на улице всё снег и снег. Хорошо внизу, где лето. Скорее бы освободиться от множества одежды. Мы здесь как капуста:

много всего надето и всё это нужно. Ближе к вечеру погода порадовала нас солнышком, и все стали сушить свои вещи. А я со вчерашнего дня снял бахилы и валенки, сушу их в палатке. На ноги надел рукавицы, они большие, как мотоциклетные краги. Опять дежурю. Парни завтра уходят сменить Матвея, Бориса и Анатолия, а на высоте 5 900 будут строить иглу. Сделают стенку от ветра для нашей с Игорем палатки. На этой высоте мы будем с Игорем в одной палатке. А для себя они будут рыть пещеру.

3 июня. Встал в восемь часов. Как же неудобно одеваться, когда в палатке нас двое! Вечером погода немного наладилась. Борис и все остальные спустились к нам в лагерь. Сейчас опять снег, опять сыро. Накипятил воды, попил какао и на тренировку. Снега очень много, сани утопают почти до сиденья. Ехать очень трудно. Узнал, что попасть сюда можно в том случае, если подашь заявку до десятого мая. Недисциплинированных ждёт отказ. День прошёл хорошо.

Фиолетовая заплата

4 июня. Встал в десять часов, как только Док зажжёт горелку. Игорь отсыпается. Он хотя и накаченный, но сил не всегда хватает, пользуется помощью со стороны. Но всё равно в его годы согласиться на такое путешествие – это подвиг, и при активной жизни лет через пять-семь он станет крепким мужчиной.

2 января 2002 года мы встретились с Игорем в Москве на Ленинградском вокзале. Уезжали мы в Петрозаводск, где должны были пройти за шесть дней порядка ста километров. На это время синоптики обещали морозы, и нас решили ещё раз проверить на приспособленность находиться в походных условиях при низких температурах. В Петрозаводске нас встретили Виктор и Алексей, местные туристы, которые согласились разделить с нами трудности нашего похода. Путешествие началось с того, что нас вывезли за сто двадцать километров от города, обратно нам нужно было возвращаться своим ходом. Выехали под вечер, пока проехали нужное количество километров, стемнело. Сошли с трассы в лес, пройдя немного, разбили лагерь. Нас было семь человек: двое карельских туристов, Геннадий из Адыгеи, Борис, Анатолий и мы с Игорем. Утром встали, позавтракали и в путь. Я сказал Игорю: «Ты молодой, крепкий, иди первый, а я за тобой». Прошли перелесок и спустились на озеро. Пройдя по озеру метров пятьсот, Игорь остановился и пропустил меня вперёд, говоря, что не может идти первым. Так всю неделю он и шёл за мной. Иногда значительно отставал, с ним оставался Гена. А когда мы останавливались на отдых, они догоняли нас.

Мороз ударил на третий день. Когда шли по озеру, лёд лопался под нами, пугая нас своим треском. Виктор сказал, что шкалы его термометра не хватает, чтобы показать температуру. Прибор рассчитан на минус тридцать градусов, а сейчас вся

жидкость собралась внизу в шарике. По его предположению, было примерно минус тридцать три – тридцать пять градусов.

В этот первый морозный день случилось то, о чём буду помнить всю свою жизнь. После трехчасового перехода остановились на обед. Игорь с Геней немного отстали. Виктор с Алексеем после обеденного отдыха уходили вперёд до места ночёвки, расчищали место под палатки, заготавливали дрова, жгли костёр, и к нашему приходу всегда был готов кипяток. Мы подходили, они начинали готовить ужин. В этот день всё происходило так же, как и всегда. Отдохнув после обеда, они ушли. Анатолий предложил мне отправиться вслед за ними, чтобы не застыть. При движении жарко, остановишься – мороз пробирает до костей. Я двинулся в путь, когда Игорь с Геней только подошли. Анатолий пообещал выйти следом за мной, но немного задержался, и получился разрыв между вперёд ушедшими, мной и Анатолием с Борисом.

Постепенно начало смеркаться, мне приходилось с усилием вглядываться в тропу, чтобы на развилке не уйти куда-нибудь в сторону. Во время остановок я прислушивался, но не было слышно ни звука топора Виктора, ни Анатолия с Борисом, которые должны были меня уже догнать. Зима. Минус тридцать. Вечерет, я в лесу. Далеко от жилья, совершенно один. Меня стали потихоньку охватывать ужас и страх: а вдруг иду не туда? Ведь судя по времени парни уже должны были меня догнать. Но никого нет, и не слышно ни звука ни впереди меня, ни позади. Раздавались резкие, как одиночные выстрелы, звуки. Мне порой казалось, что это звуки удара топора. Я сразу же замирал и, затаив дыхание, ждал последующих равномерных ударов. В ответ – единичные разрозненные хлопки. Я молился Господу, чтобы услышать звук топора, чтобы не сбиться с пути и выйти к своим.

Прошло уже много времени, я продолжал двигаться вперёд, несмотря на переживания. На очередном мостке чуть было не перевернулся, оттого что лыжная палка провалилась между брёвен. Кое-как удержался, чтобы не опрокинуться, ведь самостоятельно подняться я бы не смог. Меня прошиб холодный пот. Немного успокоившись, стал подниматься на пригорок. Поднялся почти на самый верх. При очередном толчке лыжная палка не вошла в снег, проехав, как по льду. Сделав какое-то отчаянное

движение, успел переставить палку до того, как начать скатываться вниз. Решил, что нужно отдохнуть, немного успокоиться. И тут я услышал голос Бориса. Он разговаривал с Анатолием обо мне. Оказывается, они подошли к этому овражку, когда я начал подниматься от мостика вверх. Я так был поглощён этим подъёмом, что не слышал, как они окликали меня, предлагая помощь. Парни помогли подняться на этот пригорок, мы прошли метров десять и вышли к месту ночёвки. После этого мари-броска мне не хотелось даже горячей пищи, а скорее хотелось уединиться в палатке, отдохнуть, успокоиться. Пока ставили палатку, сварился ужин. Поел без аппетита, несмотря на мощные физические затраты. С тех пор я больше не отбиваюсь от коллектива ни под каким благовидным предлогом.

Когда устаю, меня начинает раздражать, что Игорю часто помогают. Начинаю думать: «Вот сейчас придём, и подниму вопрос, почему он идёт за счёт других». Но когда добираюсь до места, наваливается усталость, проходит раздражение, а вместе с ним и желание что-то выяснять. Надо себе признаться, что главное-то в том, что мне тоже хочется, чтобы мне чаще помогали не только на «стеночках», но и при обычном подъёме.

Сегодня на тренировке подошла молодая девушка, стала что-то спрашивать, что-то говорить, но по моей реакции поняла, что её не понимают. Она сняла своё обручальное кольцо, показала на моё, спросила что-то про «вумен». Махнула рукой в сторону, затем опять показала на кольцо, и затем на наш лагерь. Я догадался, что она спрашивает про мою жену, со мной она или нет. Я махнул рукой в сторону, и мы разошлись. Вечером Олег сказал мне, что она разговаривала с ним обо мне и Игоре.

Плохая погода, которую обещали, прошла стороной. Подготовил свою одежду к восхождению: что нужно высушил, заклеил пятки у валенок скотчем, чтобы меньше промокали, на штаны поставил новую заплату. Старая, которую кто-то до меня ставил, отлетела. По цвету подобрать не смог, штаны чёрные, а заплатка фиолетовая.

С Анатолием немного позагорали. Во время обеда говорили о возвращении в Россию. Оно назначено на 25 июня. В этот

день мы должны быть в Сиэтле. Скорее бы! Анатолий пообещал нам с Игорем презент за вершину. Мол, старайтесь, народ! Поговорили даже о магазинах, в которые нам нужно будет зайти за покупками для себя и родных. Встреча всегда приятнее и радостнее, чем пребывание где бы то ни было, в любом самом привлекательном городе или стране, историческом или развлекательном месте. И ради этого можно куда-то ездить, чтобы опять была возможность испытать радость встречи! Но...

Как им без тебя? Ты наслаждаешься великолепными картинами природы. Вот жемчужные облака заполняют пространство над тобой, а на очередном подъёме открывается новая неопишимо красивая картина. А в это время у твоих домашних обыкновенные будни, да к тому же усложнённые твоим отсутствием. Встреча хороша для всех – для меня и для них. Но пребывание в семье, а не в отъезде, лучше. Как хочется окунуться с головой в ванную, а ещё лучше в прохладную реку или бассейн.

Вечером пришли Жоан, Мартин и Карлос. Они втроём путешествуют по странам, вернее, по горам. Жоан и Мартин из Канады, Карлос из США. Когда они поднимались на высоту 4 200 метров, было около одиннадцати часов вечера. Жоан, дойдя до нашего лагеря, села на снег и сказала, что дальше не пойдёт, замерзла и нет сил идти. Матвей стоял на улице и смотрел, как они подходили к лагерю. Услышав, что сказала Жоан, он пригласил её передохнуть у нас в «зиме». Мартин проводил её в палатку, внимательно посмотрел на нас с Игорем, что-то сказал ей и ушёл. Мы с Игорем топили снег, готовили воду на завтрак. Матвей попросил кипятка для неё. Наполни Жоан какао, через некоторое время чаем со сникерсом. Матвей поговорил с ней, расспросил, кто они такие. Немного погодя пришёл Мартин, они с Карлосом поставили палатку и вскипятили воды, но оказалось, что Жоан уже наполнила чаем. Мартин поблагодарил нас, и они ушли, но пообещали прийти послушать нашего гитариста.

Матвей вечерами подолгу разговаривает с отцом по телефону. Подробно рассказывает о трудностях, о настроении в команде, спрашивает совета. Сегодня разговор зашёл об «оппозиции», Агафонове, Богатырёве, Губаеве. Олег высказал опасение

что эта троица бросит нас где-нибудь наверху и уйдёт. «Как бы инвалиды не пострадали из-за их отношения к своим обязанностям», – говорил Олег. Матвей эти опасения пересказал отцу, Дмитрию Игоревичу. Тот предложил свернуть экспедицию, раз эта троица вышла из-под контроля. Матвей постарался успокоить его, сказал, что, по его мнению, они не пойдут на такое.

Открытого противостояния со стороны этих парней нет, иногда игнорируют указания Олега, но работу свою они выполняют. Мне не очень-то заметно противостояние этой, так сказать «оппозиции». Они иногда делают так, как считают правильным, не со всем соглашаются, отстаивают своё мнение, как лучше сделать ту или иную работу. В общем, нашему начальству с ними не очень комфортно, но это рабочие моменты, которые им необходимо решать.

5 июня. Погода опять испортилась, опять идёт снег. Наши наверху, но работать не могут. У них тоже плохая погода, холодно и нет видимости, проवेशивать перила нельзя. Вся вершина покрыта плотными облаками. Целое утро говорили с Анатолием о Библии, о Боге, о браке, об эвтаназии, о вере и неверии и о многом другом. Было много времени, было поднято много тем, много вопросов. Ведь человек задумывается, почему поступает так, а не иначе? Что думаешь об этом, а что о другом? Попытался донести до них мысль о том, что спасение человека происходит через веру в Иисуса Христа, и что каждый за себя даст отчёт перед Богом. Хорошо бы им это запомнить и так жить.

Анатолий говорит, что мы стали засиживаться в этом лагере, стала одолевать лень, теряется бодрость и работоспособность. По самым благоприятным прогнозам нам сидеть здесь до восьмого числа, а ждать – очень тяжело. Снег перестал, и усилился мороз... Ждать... Надо...

Танечка! Хотел поговорить с тобой, но из-за мороза батарея у телефона разрядилась. Услышал только твоё «да!», и всё на этом. Из-за того, что не смог поговорить, боль разлуки усилилась. Скорее бы вернуться домой! Ложусь спать. Очень холодно. Где же лето? Сегодня утром кто-то опять оставил нам продукты, спасибо им. Ждать...

Главный штурм

6 июня. У спальника замёрз бегунок, и я кое-как расстегнул его. Барометр сигнализирует, что давление нормализовалось, осадков больше не должно быть, а как поведут себя мороз и ветер, не знаю. Парни вышли на связь. Погода у них наладилась. Должны закончить работу и спуститься к нам, отдохнуть пару дней. А там – наверх, наверх! Ночью ветром сорвало наш российский флаг. Док нашёл его далеко за лагерем, хорошо, что не было снега. Борис после нашего разговора с Анатолием попросил у меня разрешения читать мою книгу (Евангелие). Я, конечно же, не против. Ему, оказывается, понравился наш разговор, и он решил приобщиться к Слову спасения.

Рейнджеры по-прежнему ожидают ураган в ближайшие сорок восемь часов. Может, это затишье перед бурей? Мы с Игорем ждали наших парней сверху, накипятили воды, а к нам зашли парни с Камчатки. Они только что поднялись на высоту 4 200. Мы угостили их чаем, и они пошли разбивать свой лагерь. Они узнали о нас ещё на трассе, а подходя к лагерю, увидели наш российский флаг. Как хорошо, что мы его вывесили. Когда решался вопрос о вывешивании флага, были ещё предложения вывесить флаг Киргизии, Адыгеи, Башкортостана. Но Матвей сказал, что экспедиция в основном российская, и российский флаг в мире знают, а остальные никому не знакомы. На том и порешили. Вечером в нашей «зиме», где раньше кое-как умещалось одиннадцать человек, сидело семнадцать. Все чувствовали себя довольно комфортно, пили какао, пели песни под гитару до половины второго ночи. В гостях были Мартин, Жоан, Риккардо и россияне Игорь, Сергей и Саша. Саша тоже с камчатской группы, но живёт и работает в Америке.

Когда ложились спать, в палатке было минус два. Здесь очень большой разброс температур, от минус тридцать до

плюс пятнадцать. Может случиться так, что за полчаса от тёплой погоды не останется и следа. Резко нахлынет мороз со штормовым ветром, и на смену беспечности придут инстинкты самосохранения и выживания. Не зря всё же полистал литературу перед экспедицией, много полезного почерпнул для себя. Ведь я не «снежный барс», вообще не альпинист и даже не турист. Но должен всё перенести, всё знать, как мои опытные товарищи. Теперь я понимаю, почему книги по восхождению на Мак-Кинли изобилуют предостережениями и советами по безопасности.

Самая большая опасность на Мак-Кинли – обморожение и переохлаждение (гипотермия). Мак-Кинли представляет собой сочетание долгого пребывания на воздухе, экстремальной погоды, высоты, низких температур и пониженной влажности, что делает её климат одним из самых неприемлемых на земле. Сопротивление холоду понижается из-за высотного кислородного голодания (гипоксии) и обезвоживания. Альпинистская литература содержит многочисленные живые отчёты об обморожениях на Мак-Кинли. Сорок случаев обморожения (3–4%) – обычное явление среди альпинистов на Мак-Кинли каждый сезон. Некоторые случаи требуют госпитализации, часто с тяжёлыми последствиями. Совершенно необходим правильный подбор одежды, пищи и достаточное количество воды.

Способствуют этому также физиологические и физические нарушения. Альпинисты, готовящиеся к штурму Мак-Кинли, должны быть готовы к тому, что ослабеют в условиях высоты. Экспедиции будут продвигаться медленнее и не смогут нести чрезмерные тяжести. Также есть и другие проблемы на высоте. О них меньше известно, но они потенциально опасны: умственные нарушения, обезвоживание, усталость, потеря сопротивляемости холоду и нехватка сил для восстановления. Самым главным виновником всех этих явлений является недостаток кислорода (гипоксия), связанный с высотой. Оглядываясь назад, многие альпинисты могут вспомнить ситуации, в которых их мыслительный процесс был нарушен, и суждение стало неверным. Этот эффект очень коварен, так как альпинист не осознаёт происходящих

в его мозгу изменений. Многие несчастные случаи в горах могут быть объяснены неправильно принятым решением. Таким образом, важно, чтобы альпинисты осознавали, что при определённых условиях их умственные способности могут быть нарушены. Нужно очень тщательное планирование, чтобы избежать критических ситуаций, которые могут возникнуть из-за неправильной оценки или замедленной реакции на происходящее. Например, резкое импульсивное решение продлить поход или вернуться назад должно быть тщательно обдумано. (Из брошюры «Альпинизм в Национальном парке и заповеднике Денали».)

А вот выдержки из дневника альпиниста Джона Роскли, в чьей судьбе Мак-Кинли оставила неизгладимый след. «Мы недооценили продолжительность и силу аляскинских бурь, и теперь наши запасы составляли коробку макарон и полквартиры горючего. Наш подъём альпинистского стиля с девятимиллиметровой верёвкой до этого проходил довольно нормально, спуск же с высоты 5 000 метров с таким снаряжением представлял серьёзную опасность. Но это было пустяком по сравнению с мозговым отёком, подкравшимся ко мне во время шторма. Я был полностью слеп с интервалом в минуту. Ни разу за время десяти крутых экспедиций в Гималаях я не испытывал горной болезни, но Мак-Кинли обманчива. Из-за быстрого прохода лагеря на низкой высоте и нашего с Джефом быстрого подъёма слишком высоко мы не успели акклиматизироваться. Мы не паниковали и даже не думали о помощи со стороны Службы Парка. Как гималайские ветераны мы с Джефом поднимались в горы с единственной установкой: ответственность начинается и заканчивается на альпинисте. Мы начали спуск. Я спускался и устанавливал крючья, пока мог видеть, и терпеливо выжидал, пока пройдёт очередной приступ слепоты. По мере того как мы теряли высоту, периоды слепоты укорачивались, давая возможность двигаться быстрее. К наступлению ночи мы были на высоте 4 000 метров и в начале следующего дня дошли до ледника Кахилтна. Моя слепота прошла, остались голод и чувство смущения. Моим единственным сожалением было то, что мы не восприняли Мак-Кинли с той же серьёзностью, как и её более высоких, но и более тёплых двоюродных сестёр в Азии.»

7 июня. Наш лагерь отдыхает, никто не хочет вставать. Поднялся в одиннадцать часов, устал лежать. Опять надел рукавицы на ноги, как «Рассеянный с улицы Бассейной», а валенки повесил сушить. Зажёг горелку, накипятил воды, заварил мюсли (специально для экстремалов), попил какао, выложил остатки снега в кастрюлю, чтобы больше было кипятка. Поднялся ещё один житель нашего лагеря – Агафонов Александр, заварил чай и ушёл к себе в палатку. Он вчера взял гитару и запел в присутствии Матвея «эскадрон моих мюслей шальных». Нашему начальнику это не понравилось, его лицо потемнело, но он промолчал. Некоторые иностранные альпинисты стали ходить с нашего лагеря на высоту 5 200 через Спасательный кулуар, по нашим перилам. Они очень бережно относятся к своему инвентарю, а нашими верёвками пользуются как общественными. В шутку стали называть его «Русский кулуар».

Борис продолжает меня удивлять своими теориями, например, такими, как о новых лыжах и старых (он перепутал лыжи во время сборки саней, поставил мне лыжи Игоря, они у него новые, а мои уже обкатанные). Когда сказал об этом Борису, он вывел целую теорию, чтобы оправдать свою оплошность, о том, что новые лыжи лучше. О мёде он говорит, что полезно съесть его в день не больше столовой ложки. Всё, что съедаешь сверх этого, пользы не приносит. Длительное пребывание на высоте 4 200 начинает его угнетать, он стал немного подавлен. Правда аппетит у него по-прежнему в норме. Таких, как он, любят хлебосольные тёщи. Им нравится, когда зять охотно вкушает всё, чем его потчуют. Начинаю от него уставать, наверное, из-за этого идёт по отношению к нему негатив. Укрепи меня, Господи, по отношению к Борису!

8 июня. Погода опять нас испытывает на прочность, на улице ветер с морозом. Вставать не хочется и лежать надоело. Если такая погода продлится на день дольше намеченного, то наш выход наверх отодвинется соответственно на день, а если на два-три-четыре... Приходят парни с Камчатки, а также наши знакомые Мартин, Жоан, Риккардо. Опять в горах звучит гитара. Уже второй месяц «покоряем» самую высокую гору

Северной Америки. Из-за такой погоды невозможно предсказать, какого же числа мы сможем достичь вершины. 13.06.02 – это число наметил Матвей по предварительным подсчётам. Поживём – увидим.

Накануне вечером Матвей заваривал себе мюсли в специальном пакете, положив его себе на ладонь. Пакет от горячей воды смялся, и кипятком потёк ему на руку. Я, увидев это, глянул ему в лицо. У него задергалась левая щека и веко, но он не проронил ни звука, положил половник в кастрюлю с кипятком, затем осторожно вытер руку.

По приказу Дока мы с Игорем установили температурные датчики себе на ноги, сам прибор лежит в нагрудном кармане. Ноги не чувствуют ни холод, ни тепло, в них слабое кровообращение и есть возможность обморожения, а теперь мы в любое время можем узнать температуру наших ног. Когда ложился спать, проверил температуру: на левой ноге +14, на правой +13. После недолгого массажа ноги отогрелись и температура поднялась – на левой ноге +32, на правой +28. Снимем эти приборы только после восхождения, а сейчас нужно привыкать к ним и не забывать регулярно смотреть температуру.

9 июня. Вставать и сегодня никто не торопится. А для меня это хорошо, можно помолиться в «зиме» без помех, попить какао и ждать, кто встанет. Олег днём принёс новость, что канадцы пошли сегодня наверх. Мы же отложили это дело на завтра. Погода пока не радует, пасмурно, мороз и временами небольшой снег. Обговорили завтрашний выход. Решили действовать по погоде. Если хорошая, то выходим в одиннадцать часов. С высоты 5 200 спустились трое итальянцев, двое обморозились, один обморозил лицо, другой руки. Вечером отогревали двоих парней, индийца и австралийца, поднявшихся к нам на высоту 4 200 около десяти часов. Одеты они были так, как будто вышли из дома во двор подышать свежим воздухом. Дали им чаю с элеутерококком и по две таблетки никотиновой кислоты. Кружка с чаем тряслась так, что им трудно было сделать глоток, не облившись. Минут через сорок-пятьдесят они отогрелись и пошли ставить себе палатку.

10 июня. Встали поздно. Матвей говорит, что ругает себя за то, что проспал. Я ждал подъёма, но не дождался. Встал, перебрался в «зиму», зажёл горелку. На ней стояла кастрюля с водой. На ночь её кипятил Борис, но вода успела замёрзнуть в лёд. Когда вода закипела, я обнаружил в ней остатки вчерашнего супа. Почему-то некоторые считают, что присутствие супа в чае – это нормально. Пришлось кипятить заново.

Погода налаживается. Витёк и Степан пошли вниз на 3 600 за продуктами, а заодно спустят накопившийся мусор. Здесь такое правило, весь мусор собирать в специальные мешки и спускать с собой вниз на ледник Кахилтна, оттуда самолётом отправят в Талкитну.

Появился мини-компьютер для игры в шахматы. Прошёл только до пятой позиции, а всего их восемнадцать. Вечером опять были гости: поляки, норвежцы, австрийцы. Европейские альпинисты отличаются от других тем, что с пустыми руками в гости не приходят. Опять гитара, чай. Русский кисель почему-то отсутствовал.

После обеда в «зиму» зашёл какой-то мужчина. Матвей обрадовался ему, и они начали оживлённо говорить по-английски. Матвей вёл себя с ним, как со старым знакомым. Что-то знакомое было в его лице и для меня, но я не мог понять что. Когда же Матвей сказал по-русски своему собеседнику, что нос-то всё-таки он обморозил, я посмотрел внимательнее на этого мужчину и узнал в нём нашего бывшего соотечественника, который сейчас живет в Бостоне, я уже писал о нём. Нос у него потемнел и опух так, что глаза стали узкими. Но, несмотря на своё обморожение, он был очень доволен тем, что смог подняться на вершину и благополучно спуститься сюда, на 4 200. Лучше бы он не заходил к нам, ведь завтра и нам предстоит выход наверх, а тут лишние переживания, как же будет там, наверху. Выход назначили на двенадцать часов, подъём на девять. Наконец-то!

Спасательный кулуар

11 июня. Подъём в девять часов, небольшие сборы и в путь. Свершилось! Пришли проводить нас парни с Камчатки. Саша помог мне выбраться на тропу. По такому глубокому снегу самостоятельно не выберешься. Этот жест с его стороны больше похож на дань уважения, чем на проводы. Они не понаслышке знали, куда мы идём.

Прошли семнадцать верёвок. По высоте четырёхсот метров, а в длину около девяти сот. Погода хорошая: небольшой туман, снежная крупа, но тепло. На подъём ушло четыре часа. Сегодня на обсуждении дальнейшего подъёма Матвей поддержал моё предложение о помощи нам на особо крутых склонах, 45% и круче. На этот раз Степан не назвал меня лодырем, а поинтересовался у Макса, как нужно помогать. Игорь шёл тяжело, говорит, что нужно было больше тренироваться, чтобы держать себя в форме, а он больше уделял внимания сну. Чувствую себя нормально, поднялся достаточно легко, трудно было дойти до верёвок на палках. Вроде бы и подъёма нет, но сани не ехали. А когда дошел до станции, пропустил через жумар верёвку, оглянулся вниз и увидел, что подъём всё-таки был. Мы опять находимся на высоте 4 600, там где пещера, но на этот раз в ней ночевать будут наши помощники Борис и Док, а мы в палатке. От пещеры наверх, на высоту 5 200 проложены верёвки. Они начинаются напротив нашей палатки, и это доставляет нам с Игорем определённые неприятности. По верёвкам, как я уже говорил, ходят много альпинистов как наших, так и чужих. От их ног вниз летят снежные комья, некоторые из них попадают в нашу палатку. Мы заметили два больших кома, которые, к счастью, пролетели мимо нашей палатки. Ближе к ночи камнепад перестал, потому что прекратилось хождение по верёвкам.

Когда закончилось общественное питание и перешли на рационы, то оказалось, они не совсем правильно подобраны. Крупа гречневая, рисовая, суп луковый и ещё какой-то, картофельное пюре, бекон (по пять рационов на высоту 5 200 и выше и добавочно полукопченый сиг). Мюсли, творог, сухое молоко, сахар, сникерс, изюм с орешками – этого хватало. Но две галеты и десять-двенадцать крекеров на день было очень мало. А также три пакетика чайной заварки, три киселя и три какао оказалось недостаточно, так как пить хочется постоянно. Простой водой не напьёшься, ведь она из снега, безвкусная.

Вспомнил, на что похожи бухты верёвок, когда они лежали в «зиме», на осьминогов. Получается такая картина: палатка круглая, вдоль стенки лежат бухты верёвок, концы между собой спутались, как щупальца, а середина каждой бухты хорошо выделяется, она аккуратно перекручена концом верёвки. Виток за витком идут по порядку, и получается как бы живот осьминога.

12 июня. Проснулись в семь часов, стал кричать Борису, но не докричался, решил, что они ещё спят. Но минут через десять Док принёс нам завтрак. Вышли ровно в десять. Погода рабочая. Пролетали короткие сильные порывы ветра, но было терпимо. Опять мешали камни, которые летели вниз. Комки снега попадали в рычаг, который передо мной, разбивались о него, и мелкая колючая крошка впивалась в лицо, если не успевал увернуться. Не знаю о чём думать, о подъёме или о том, как уворачиваться. Радует Борис. Он делает своё дело как никогда хорошо, даже замечательно. Этого нельзя сказать об Агафонове. Он вчера ушёл, не стал помогать готовить площадку для нашей палатки. Сегодня он тоже выполнял только свою работу.

В начале нашего подъёма, как я уже писал раньше, имеется трещина и за ней двухметровая стенка, где без посторонней помощи я не могу пройти. Борис помог мне снизу и стал искать, какому подняться на эту стенку, чтобы помочь мне преодолеть её. Я обратился к Агафонову с просьбой помочь. Он некоторое время смотрел на меня, как бы не понимая, о чём идёт речь, а затем встал и пошёл наверх. Поднялся я с помощью Бориса.

Агафонов с Витьком делали свою работу так, лишь бы сделать. Станции делали без учёта траверса, иногда верёвка огибала скалу, и нам с Борисом приходилось очень тяжело. Он оттаскивал сани в сторону и удерживал их, а я в это время старался быстрее продвинуться вперёд. А ведь можно было сделать станцию в стороне метров на пять, как делали Игорю. Иногда лыжи попадали на каменный выступ, невозможно было сдвинуться с места, как бы сильно не напрягался. Выручал Борис. Сегодня был очень сложный участок пути, называется он Спасательный кулуар. Его обычно используют для быстрой эвакуации альпиниста с высоты 5 200 на 4 200. Анатолий тоже сильно устал. Говорит: «Не мальчик я, чтобы по горам лазить». Макс и Губаев помогали Игорю и Анатолию. Макс даже придумал какую-то систему, чтобы помогать Игорю подниматься не руками, а ногой.

Двадцать верёвок прошли за восемь часов, первые за три часа, а вот вторая часть пути вымотала нас основательно. Сейчас пишу, а всё болит: руки, суставы, мышцы, пальцы. Особенно было трудно на последних трехстах метрах. Уклон был 45%, а то и повыше. Носки лыж были задраны вверх. Ехал только на задниках. Устал сидеть согнувшись. Особенно устала шея, так как голова постоянно наклонена вперёд. Шея от этого оголялась, и снег попадал за шиворот. Было не до комфорта. Пришёл от сильной усталости без настроения, какой-то пустой весь, но быстро восстановился.

Погода сейчас хорошая, и говорят, что до конца недели будет такая. Слава Богу! Мои молитвы услышаны. Любоваться красотой вида, который открывается при хорошей погоде, нет сил лежу и слушаю восторженные восклицания парней. Когда выходили из кулуара на ровную площадку, нас встречал Матвей. Он задавал какие-то вопросы, снимал на камеру. Нас приветствовали жители лагеря 5 200, хлопали в ладоши и даже кричали «браво!». Скорее бы на вершину и домой, к жене, сыну. Хорошо, что взял фотографии... Тania и Саша, я вас люблю, целую, скучаю.

Когда проходили первые десять верёвок, навстречу спустились наши знакомые Мартин, Жоан, Риккардо. Первые двое были сильно подавлены и вызвали сочувствие, а Риккардо выглядел нормально. Взойти на вершину они не смогли.

Пока моя вестибулярка работает хорошо, вот только руки ноют и пульс 120 ударов в минуту. То ли не восстановился ещё, то ли высота так действует. Вспомнил о камнях, на которые мы наезжали. Когда проходили самый крутой участок, то один раз мы крепко сели. Я тяну рычаг, Борис помогает мне, чтобы сдвинуть меня с этого камня, но не тут-то было. Сани немного подаются вперёд, а лыжи тем временем изгибаются коромыслом и остаются на месте, словно прибиты гвоздями. Кое-как Борис оттащил меня в сторону от этих камней. В дальнейшем я стал заранее просить Бориса отодвигать сани, если впереди были камни. Очень хочется пить, почти постоянно. Вот что по этому поводу сообщают люди бывалые. Это нужно знать и быть готовым к подобным обстоятельствам.

Из брошюры «Альпинизм в Национальном парке и заповеднике Денали»: «...обезвоживание и усталость. Обезвоживание представляется серьёзной опасностью в условиях высоты, обезвоживание может усложнить протекание любой болезни или травмы и затруднить процесс выздоровления. Оно напрямую способствует обморожению, сжимая кровеносные сосуды рук и ног. Альпинисты обычно не получают достаточного количества жидкости на высоте выше 4 000 метров. Если вы планируете провести хотя бы одну ночь на высоте 5 000 метров и не имеете по крайней мере недельного запаса горючего, то вы играете с огнём. Это горючее должно расходоваться с таким расчётом, чтобы каждый получал по меньшей мере по три литра жидкости каждый день. Бутылки с водой должны наполняться как можно чаще и храниться в спальнях мешках ночью, чтобы не замерзли.

Усталость. В значительной мере Мак-Кинли представляет проблему с точки зрения логического мышления и погоды. Альпинисты полагают, что они должны максимально использовать хорошую погоду, даже если это потребует максимального физического и эмоционального напряжения некоторых или всех участников. Если непогода застанет их в таком состоянии, может произойти трагедия. Альпинисты должны поддерживать физиологический запас прочности в условиях усталости и холода так же, как они это делают в отношении пищи и горючего».

Перегрузка

13 июня. Спал плохо, встал в половине одиннадцатого. Только уснул, пришёл Док со своим обследованием. Разбудил меня, и после этого я долго не мог заснуть, спал урывками. Наверное, высота сказывается. Думаю об Агафонове. Судя по его высказываниям, получается (только в плане этой экспедиции), что он согласен делать тот объём работы, который ему поручили, за который он отвечает. А остальное его не касается. Сделав своё, он не согласен взяться за другую работу, работа на коллектив его не привлекает.

День, как и обещали рейнджеры, хороший. Если бы не сорвался наш первоначальный план восхождения, то сегодняшним днём мы пошли бы на вершину. Но, что ни делается, всё к лучшему. Значит, нас ждёт погода ещё лучше. Сушим вещи, готовимся на высоту 5 900. Олег встречает иностранных альпинистов, тех, кто идёт с вершины. Поздравляет их, расспрашивает о самочувствии и про обстановку на вершине. Один из альпинистов сказал, что ничего хорошего там нет: поднялся на вершину, там стошнило – и вот вернулся обратно. Вот так вершина, вот так радость победы...

С Борисом стало происходить что-то странное, раньше за ним такого не замечал. Он помазал пальцы мазью и положил тюбик в карман палатки. Вечером увидал у меня мазь и просит помазать. Я ему говорю, что у тебя есть своя мазь. А он мне на полном серьёзе заявляет, что ему вообще не выдали. Я заподозрил его в том, что он решил экономить свою мазь, молча достал из кармана с его стороны его тюбик и отдал ему. Он сильно удивился, когда услышал, что это его мазь. Тогда я начал понимать, что у него «горняшка». Он забывает самые простые, элементарные вещи. Мне стало легче. Согласитесь, тяжело находиться рядом с человеком, с которым уже более полутора

месяцев живёшь, трудишься бок о бок, и вдруг начинаешь подозревать его в укрывательстве. А может, это у меня тоже «горняшка» в чрезмерной подозрительности проявляется? Борису, конечно же, легче не стало от того, что я нашёл его мазь. Думаю, ему полегчает, как спустимся на высоту 4 200. Во всяком случае, там я за ним такого не замечал.

Я впервые поднялся до такой высоты. И, пока находимся в покое, даже не замечаю, что нахожусь так высоко над уровнем моря. Завтра новый день, и нас ждёт новая высота – меня и Игоря. После обеда парни пришли сверху. Они проверили лагерь на высоте 5 900 и перила, которые ведут к вершине. Там всё в порядке, лагерь готов нас принять, дело за нами. Два Саши – Агафонов и Губаев – и Макс нарушили ими самими же данное слово и сходили на вершину. Не смогли удержаться от соблазна. Как-то в разговоре со мной в лагере на 4 200 Агафонов и Губаев говорили, что целый месяц таскают грузы не просто из-за восхождения, а им интересно взаимодействовать с нами. Ведь они впервые работают с инвалидами и даже не представляли, как мы вообще можем подниматься в гору. На этот счёт у них было большое сомнение. Но в процессе подъёма они убедились в наших возможностях, и сейчас у них нет сомнения по поводу нашей экспедиции. А слово всё-таки они нарушили.

14 июня. Агафонов разбудил меня своим криком в пять часов утра. Он пришёл к Олегу и стал ему высказывать, что погода плохая, очень сильный ветер, и вершину не видно. «Принимай решение: либо ты берёшь на себя ответственность за всех, либо идём вниз», – закончил он свою тираду. Олег ответил, что ещё есть время, ведь выход назначен на десять часов утра. У меня сразу же пропал сон, я стал молиться, чтобы Господь дал хорошую погоду, и мы пошли бы в верхний лагерь. Не знаю, о чём говорил Олег с Матвеем, но выход наверх был объявлен, как и договаривались, в десять часов. Погода продолжала нас испытывать, крепкий мороз и небольшой ветерок трепали нам нервы. Поближе к назначенному времени я вышел и стал пристёгиваться к саням, но до конца застегнуться не смог, замёрзли руки. Пришлось попросить Витьку, чтобы он помог. На палках

вышли из лагеря к провешенным верёвкам. Пока дошёл до них, согрелся, вроде бы не так уж и холодно, как показалось сразу.

Мы пошли опять новым маршрутом. Все ходят траверсом по склону Кассина до скального гребня и по нему идут наверх. Во-первых, траверсом идти очень трудно, во-вторых, так длинное, в-третьих, по гребню мы не сможем идти на санях из-за каменных выступов. Поэтому идём «в лоб» на высоту 5 900. Две первые верёвки Витёк мне помогал, потом переключился только на свою работу. Прошли крутой участок и вышли на пологое место. Сил практически не осталось. Может, я рано расслабился? Был момент, когда резко захотелось всё бросить, ни о чём не думать, ни о чём не переживать, оказаться дома и знать, что тебе никуда не нужно идти. С усилием разогнал эти подленькие мыслишки, чтобы не тешить себя пустыми надеждами. Олег, видя моё подавленное состояние, решил подбодрить: «Совсем рядом, за этим вот бугорком будет виден лагерь». Я ему говорю: «Ну да, давай рассказывай, я дойду до бугра, а там трамвай, который довезёт меня до палатки. Хоть и видно будет, а топать-то самому придётся». Он засмеялся: «Раз шутишь, значит, не совсем устал, дойти сможешь».

Прошёл мимо отверстия в снегу. Зияет что-то вроде колодца, как-то не по себе стало. Опасность кругом, поэтому с тропы никто не сворачивает, кроме нас. Вышли в десять утра, пришли в восемь вечера. Потрясающий по трудности день. При подходе к лагерю стало подташнивать. Док сказал, что это от перегрузки. С прекращением работы тошнота прошла. Попили с Игорем чаю, перекусили сёмгой и лежим отдыхаем. Мы в палатке, кто-то в иглу, остальные в пещере. Кто где расположился, не хочется даже узнавать.

Отсюда открывается красивый вид, утром постараюсь сфотографировать. Когда поднимаемся, стараюсь не смотреть вниз, потому что страшно. И даже красота, которая открывается внизу, не может вытеснить этот страх. Матвей предупреждал об опасности спуска, говорит, что несчастные случаи чаще всего происходят на спуске.

Когда мы поднимались от пещеры с высоты 4 600 на 5 200, прошли уже более половины пути, я увидел, как что-то полете-

ло вниз с самого верха по нашим верёвкам. Пролетев несколько метров, это «что-то» подлетело вверх и ударилось о снег. Я решил, что это рейнджеры тренируются, отрабатывают на макете приёмы быстрого спуска. Ведь мы идём по Спасательному кулуару. Но через какое-то время заметил, что это не макет, а человек. Позже, когда мы подходили к этому участку, попросили освободить верёвку для нашего подъёма. Он кое-как отполз от верёвки метра на два, вжимаясь в снег всем телом. На него невозможно было смотреть без сожаления. Он всем своим существом – глазами, выражением лица, положением тела – как бы молил о снисхождении к нему, просил не осуждать. Наверху Степан сказал, что этот бедолага, оступившись, сорвался вниз. Хорошо, что предварительно успел зацепить страховочный ус за нашу верёвку. Пролетел около ста метров до станции, там его подкинуло и он, упав, лежал без движения какое-то время. Его ледоруб отлетел в сторону, метров на пять, но он боялся отцепиться от верёвки, чтобы взять его. Парень очень сильно был напуган этим полётом. Степан подал ему его ледоруб и попросил освободить верёвку. Но тот наотрез отказался. Так и спускался ползком, пока мы не подошли.

Завтра и нас ждёт ответственный подъём и ещё более ответственный спуск.

Звёздный час

15 июня. Подъём в семь тридцать. Полчаса проспали лишнего. Быстро приготовили завтрак, позавтракали и были готовы к выходу. Ночь показалась мне тяжёлой, из-за высоты не спалось. За хлопотами забываю о головной боли, ведь собираемся не куда-нибудь, а на вершину! Сегодня месяц и четыре дня, как мы прилетели на ледник. Больше трёх недель здесь никто не задерживается, только мы старожилы. Синоптики не обманули, лёгкий ветерок, мороза нет. Наша связка собралась и вышла к склону, который ведёт на «Футбольное поле». Пропустил верёвку через жумар, поставил рычаг в рабочее положение и вдруг почувствовал, как всё тело стала бить лёгкая дрожь. Как на соревнованиях перед ответственным стартом. Подошёл Степан и сказал: «Ну, что, Григорий, вот и пришёл твой звёздный час...» Я промолчал, думать об этом не хотелось. Ведь я ни разу не был на такой высоте и не знаю, как поведёт себя мой организм, когда начнём подниматься выше. Не хочется тешить себя иллюзиями.

Прошли некрутой подъём, метров сто пятьдесят, и покатались по тропе, по которой ходят восходители, но недолго. Повернули с тропы налево – опять подъём, крутой, но короткий, метров двадцать. Взобравшись на него, оказались на «Футбольном поле». Я не знаю, в связи с чем даются такие названия, но на футбольное поле та местность явно не походила. Во-первых, поле было не ровное, а полого спускалось вниз. Во-вторых, оно всё было в снежных застругах высотой до полуметра и выше, через которые нам предстоит пробираться. Метров через триста видны наши верёвки, на уклоне в тридцать-сорок градусов и протяжённостью метров пятьсот. А там – вершина... Но в начале нужно преодолеть этот труднопроходимый участок. Чтобы не идти траверсом, мы пошли влево вниз, а затем стали под-

ниматься «в лоб». Так путь длиннее, но мороки меньше. Связка Игоря применила тактику маятника, они пошли справа от нас по склону. И так мы каждый своим путём пробирались к провешенным перилам, ведущим на вершину. Попадая в ямы и наезжая на заструги, мои сани то и дело пытались опрокинуться. Борис поддерживал, иногда оттаскивал в сторону, уходил вперёд выдергивать из-под снежного заструга верёвку. Он нервничал, ему это явно не нравилось. Мне тоже, но другого пути нам никто не предлагал. Из-за того, что сани наклонялись то влево, то вправо, мне было неудобно сидеть и ещё неудобней работать. Не заметил, как нервное состояние Бориса передалось и мне, хотя я старался не выказывать свою раздражительность. На резкие замечания Бориса старался отвечать спокойно. И вот наконец, потеряв много сил и нервов, мы прошли это поле.

Возле провешенных перил нас ожидал Матвей. Он уловил моё настроение и поинтересовался, чем я недоволен. Чтобы не распространять раздражение дальше себя, я сказал, что скорее удивлён тем, что не было продумано прохождение этого участка. Он ведь перед самой вершиной, а мы окончательно вымотались на нём. Матвей то ли в знак согласия, то ли думая о чём-то своём, кивнул головой, но это не добавило мне бодрости. От усталости меня уже не тянуло к вершине, мной овладела апатия. Но я понимал, что нужно идти, и пошёл, забыв обо всём, шёл, глядя вверх. Шёл, желая одного, чтобы быстрее всё закончилось. Степан подменил Анатолия и шёл вместе с Игорем. Они поднялись на этот подъём немного раньше нас, и сейчас ждали, когда мы поднимемся. Наши альпинисты тоже выглядели уставшими, были немногословными, но уверенными и профессиональными оставались их движения. Когда подходил к Игорю, Степан не сдержал раздражения и стал мне выговаривать, что плетусь как черепаха и что я их заморозил. Я не слушал его, не было сил. Как ни ругал меня Степан, а им всё равно пришлось подождать, пока я немного передохну по завершении подъёма. Матвей сказал им, чтобы они ждали меня, и мы вместе пойдём на вершину.

От вершины нас отделяют каких-то пятьдесят метров. Мы вместе с Игорем прошли по ровному участку, идя бок о бок, и

стали взбираться на небольшую десятиметровую возвышенность. Это был предел наших желаний за пошедший год. Небольшая возвышенность была тем желанным местом, ради которого я изнурял себя тренировками, к чему целенаправленно готовился целый год. И вот она, вершина, всего в нескольких метрах. Верёвки провешены параллельно, и мы с Игорем вместе поднимаемся на вершину. Из последних сил тяну на себя рычаг снова и снова. Вот остаётся несколько движений и... Руки опускаются вниз, подбородок упёрся в грудь. Ни радости, ни восторга, одна усталость.

Макс принёс и протянул мне круглый географический знак, обозначающий пик Мак-Кинли. Когда я взял его в руки, на какое-то время ощутил чувство радости. Вот и исполнилось моё желание! Достиг! Слава Богу! Мозг свердила мысль: не забыть сфотографироваться с флагом республики. Достал приготовленный флаг и попросил сфотографировать, ведь на пребывание в столь желанном для многих месте отводится обычно несколько минут и – вниз. Началась череда поздравлений, жали друг другу руки, обнимались крепко, по-мужски. Нас с Игорем поздравляли особо, ведь мы первые из инвалидов-колясочников поднялись на такую высоту. Матвей взял меня за плечи наклонился и сказал: «Поздравляю тебя с вершиной, и верю, что у тебя будут и другие вершины». О каких вершинах он говорил, я не знаю, а уточнять не стал, принял как обычное поздравление. Особой радости почему-то не было. Наверное, невозможно сразу же осознать то, что мы смогли всё-таки подняться. Агафонов, многократный чемпион по альпинизму, говорит, что тоже до конца не осознаёт, что всё-таки сделали это. Но это восхождение будет самым ярким воспоминанием в его жизни. Окончив поздравления и съёмки, засобирались вниз. Ведь это только половина дела – подняться на вершину, а есть другая половина, более ответственная, – это спуститься живыми и невредимыми вниз на ледник Кахилтна.

На спуске меня сопровождал Олег. Он помогал Борису, вернее, отвечал за мою безопасность. Но эйфория победы, а может, просто «горняшка», коснулась и его здоровой головы. Когда закончилась последняя верёвка, та, с которой мы начинали своё

восхождение от лагеря, он развернул меня (мы спускаемся спиной вперёд) и спросил: «Отпустить тебя?» Я кивнул головой в знак согласия, и он отпустил. Хотя место и казалось практически ровным, а до лагеря десятка три или четыре метров, сани набрали приличную скорость, я пожалел, что дал согласие. Проскочил мимо Макса и Губаева. Они что-то кричали мне, но я не обращал на это внимания. Мои мысли были заняты тем, как мне остановиться перед палаткой. За ней метрах в пяти или семи почти отвесный обрыв более полутора километров, там расположен лагерь 4 200. Экстренного прибытия в нижний лагерь я не хотел и поэтому, не доезжая до палатки, стал гасить скорость, поворачивая сани боком, соблюдая осторожность. Мне удалось остановиться перед палаткой. Подъехав ко входу, стал расстёгивать ремни. Единственным моим желанием было скорее залезть в палатку, попить чай и отлёживаться до завтра. Подошли парни, стали мне выговаривать за такой опрометчивый поступок. Олег, пытаюсь улыбаться, говорил, как здорово я всех обогнал. Но было видно, что он напуган. Вот и начались такие опасности на спуске, которые называются «оплошность» или «человеческий фактор».

Матвей принёс телефон, стал снимать на камеру, как я разговаривал с женой и сыном. Они ждут не дождутся, когда я приеду домой. Пришли в лагерь в семь двадцать вечера. Почти десять часов ушло на то, чтобы пройти путь длиною не более пяти километров и всего лишь триста метров по высоте. Устал очень сильно. Лежу в спальнике, время без четверти одиннадцать. Жду Дока, чтобы сделать обследование, а потом спать. Он пришёл, рассказал про аритмию, из-за которой чуть было не вернулся с полпути. Когда прошли «Футбольное поле», его подменил Степан, но Док всё-таки пошёл наверх. Сделал себе подарок ко Дню медика.

Гора взяла своё

16 июня. Встал в десять, практически не спал из-за ноющей боли в голове. Док запретил принимать обезболивающие таблетки. Не известно, как отреагирует организм. Слабость во всём теле, как после марафонской дистанции. Кое-как собрался для спуска на 5 200. В обрыве сделали пещеру, там ночевали Губаев, Макс и Агафонов. Я сидел и смотрел, как они вылезают оттуда. Когда Губаев вылезал из пещеры, уронил бахил. Он зацепился за выступ метра в пяти ниже пещеры. Парень посмотрел на бахил, затем на меня и сказал, что нам ещё долго кочевать из лагеря в лагерь, и эта вещь ему пригодится. Взяв два ледоруба, он спокойно, без браводы, а как-то даже обыденно стал спускаться за бахилом. Дойдя до него, взял, засунул за пазуху и также спокойно поднялся наверх. Я сидел с фотоаппаратом в руках. Но забыл о нём, забыл обо всём, смотрел только на Губаева. Не мог понять, как можно без страховки спускаться по этому обрыву, в низу которого лагерь 4 200.

Движения у всех какие-то замедленные, сказывается ночёвка на такой высоте. Макса тошнило. Он со вчерашнего дня ничего не ест. Его организм не хочет принимать пищу на экстремальной для него высоте. Собираемся на 5 200, сворачиваем лагерь, он больше не нужен. Агафонова и Витька у меня забрали. Они будут собирать лагерь, верёвки и вообще всё, чтобы сюда больше не подниматься. Вместо них дали Степана. Он будет идти со мной, отвечать за мою безопасность, а Борис будет отцеплять верёвки, когда мы по ним пройдем. Я не знаю, как Степан попал ко мне, сам напросился, или Матвей так решил. Хотел отказаться от его помощи, но подумав, не стал спорить по этому поводу. Может, Степан решил реабилитироваться за инцидент перед вершиной.

Вышли около обеда, не спеша дошли до места спуска, остановились у края обрыва. Первыми спускались Игорь с Максом

и Анатолием. Макс взял в руку верёвку и шагнул вниз, чтобы помочь Игорю опуститься с площадки. Шагнул смело в надежде, что «кошка» прочно войдёт в наст. Но снег под его ногой почему-то осыпался, и Макс, упав на спину, поскользился вниз, раскинув руки. Во время падения он выпустил верёвку и теперь тормозил руками и ногами. Через несколько метров ему удалось остановиться. Игорёк нервно заёрзал на санях, ему это падение явно не нравилось, ведь Макс будет его сопровождать. Он пропустил верёвку через «восьмёрку», и они благополучно пошли вниз. Мы дождались, когда они перецепятся на другую верёвку, и тоже стали спускаться.

Спуск в отличие от подъёма, занял всего два с половиной часа, а подъём в четыре раза больше. На предпоследней верёвке пришлось посидеть. Впереди идущие почему-то долго не перецеплялись, а нам из-за рельефа местности ничего не было видно. Оказалось, что перед тем как перецепиться, Анатолий зашёл немного вперёд Игоря. Когда Макс перецепил, Игорь немного опустился вниз и наехал Анатолию на ногу. Нога у Дока больная. Он застонал, хотел выдернуть ногу, но прочный наст не поддавался, ведь на ногах были «кошки». Тогда Макс оттащил Игоря назад, освободил ногу. Док отошёл в сторону, а Макс отпустил сани. Но этого небольшого рывка хватило, чтобы вырвать колья станции, то есть это те колья, к которым привязана верёвка. Макс страховочным усом был пристёгнут к саням. Рывок саней сбил его с ног, и они с Игорем стали бесконтрольно спускаться в направлении ущелья. Игорь попытался упасть на бок вместе с санями, но попытка не удалась. Скорость нарастала. Вторая попытка оказалась удачной, но из-за набранной скорости они не смогли сразу остановиться. Двигаясь по инерции, продолжали кувыркаться, ломая прочный наст снега.

Когда мы дождались освобождения верёвки, Док был всё это время на ней, спустились, увидели переломанный наст и поняли, что-то произошло. Пришли в лагерь, Игорь сидел возле своей палатки. На мой вопрос, что произошло, ответил, что всё нормально, но затем подошёл и стал рассказывать, что и как случилось. Вот вам и спуск, вот вам и неприятности, которые совершенно неожиданно могут перерасти в трагедию.

Голова перестала болеть. Слабости нет. Рад, что всё обошлось хорошо, а вот радости от восхождения на вершину всё ещё нет. Позади два спуска. Осталось пять, и два из них достаточно сложные. Красота кругом такая, что невозможно описать. Она притягивает. Хочется насмотреться впрок, когда подумаешь, что видишь всё это в последний раз. Ведь в обыденной жизни некому нас затащить так высоко, выше облаков. К сожалению, невозможно передать на бумаге все увиденные картины, чтобы проникнуться этим величием. Всё это нужно не просто смотреть или читать об этом, а нужно самому ощутить всё величие этого пространства.

У альпинистов опять большой объём работы, нужно не просто всё снимать, но и спускаться вниз. Все хотят спустить за один раз, потому что никто не хочет делать лишней подъём. Поясница болит от постоянной нагрузки. Во время подъёма и спуска мы лежим на спине, ноги вверху. Если бы под нами было домашнее кресло, было бы комфортнее.

17 июня. Встал в половине десятого, но хочется спать. Уснул около двенадцати ночи, не дождался Дока, но он разбудил и стал делать свои обследования. На область сердца прикрепляли датчики. Мы сидели минуту в покое, не разговаривая. Затем делали полный выдох, задерживали дыхание и так сидели столько, сколько можно было выдержать. Опять минута покоя. Потом задерживали дыхание на полном вдохе и опять терпели, кто сколько может. Затем просто дышали, измеряли пульс. Всё это длилось минут по десять после каждого прихода в лагерь. На такой высоте, в холодной палатке, в состоянии смертельной усталости, всё это делать не очень приятно. Но Док не виноват. Он делает то, что должен делать. Успокаивая нас, он говорит, что это очень важно.

Приготовили чай, закусили рыбой и – вниз. У края обрыва стоял Олег. Он что-то кричал и возбуждённо жестикулировал руками. Оказывается, у него сорвался баул с различными вещами. Каким-то образом баул отцепился от карабина. Хорошо, что на пути следования он не попал в человека. Долетев до трещины на 4 600, он упал в неё. Когда мы со Степаном проходим

верёвку, перецепляемся на другую, Степан делает отмашку Борису. Это сигнал, что верёвка свободна и её можно отцеплять. Всё так и было. Но примерно на середине склона Степан предложил убрать «барашки», верёвка от «восьмёрки» скручивается и получают кольца, которые мешают пропускать верёвку через неё. Мы опустились чуть ниже станции, я взялся за верёвку, которая идёт от станции вниз, подтянул себя наверх, чтобы ослабить ту верёвку, по которой спускался. Степан тем временем освободил верёвку от «восьмёрки» и стал её раскручивать. Страховочный ус был на той верёвке, которую только что прошли. Борис, видя что верёвка ослабла, не дождавшись отмашки, отцепил её. Степан немного растерялся, увидев, что верёвка заскользила мимо нас. Он смотрел на меня и не знал, что предпринять. Как мог, успокоил его, что удержу себя, что руки у меня сильные. «Ты давай распутывай и перецепляй», – спокойно обратился я к Степану. Так висел примерно около минуты на склоне в тридцать-сорок градусов безо всякой страховки на одних руках.

На этот раз прошли мимо пещеры сразу на 4 200. В «зиме» нас ждала записка от Мартина, Жоан и Риккардо с различными хорошими пожеланиями. Также здесь нас ждало много продуктов, их оставили парни с Камчатки и кто-то ещё. Среди продуктов было мясо и рис. Мы сварили рисовый суп с мясом и с превеликим удовольствием его съели. Всё-таки натуральный продукт. Полным ходом идёт подготовка к спуску вниз. Всё сортируется, пакуется, связывается, укладывается.

Слава Богу, всё обошлось. Мне приходилось читать об опасностях, предостерегающих путешественника на горе. Мы сумели избежать сложностей, но иногда были на самом краю.

На ум приходят выдержки из брошюры «Альпинизм в Национальном парке и заповеднике Денали».

«Расселины. Круглый год снегопады скрывают расселины. Их обширная сеть покрывает весь хребет, поэтому необходимо быть привязанным постоянно. Расселины, покрытые снегом, довольно трудно различимы, и многие серьёзные падения происходят совершенно неожиданно. Поздней зимой и весной поверхность

ледника часто покрыта снежными «досками», что делает расселину почти или совсем незаметной. Тщательно исследуйте территорию лагеря и огородите его по периметру шестами, прежде чем снять страховку. Передвигайтесь только в связке. В группе из двух человек на нижних ледниках альпинисты должны быть связаны на дистанции по крайней мере в тридцать метров. Дистанция в пятнадцать метров является минимальной для связки из четырёх человек. Многие мосты через расселины превышают двадцать метров. Убедитесь, что санки и рюкзак привязаны к верёвке, а не только к вам. Если возникают сомнения при переходе расселины, отложите переход».

18 июня. Очень хочется спать, но кое-как всё же поднялся в семь тридцать, накипятил воды для завтрака и стал будить парней. У Матвея палатка стоит особо, в стороне от всех, и о нём забыли. Он проснулся, когда все уже позавтракали. Почему-то подумали, что он у рейнджеров. Матвей перед подъёмом на вершину каждый день начинал с прогноза погоды, чтобы определиться с выходом. Вот и подумали, что опять там. Собираемся спускаться в лагерь на 3 400. Погода опять хорошая, без ветра, солнце и тишина. Чувствовалось напряжение при прохождении мимо глубокого ущелья, вспомнилось, как вырвался кол со станции у Игоря, когда спускались с 5 900. В лагере во время отдыха звучал «Мочалкин блюз» в исполнении Агафонова (гитара) и американского проводника (губная гармошка). Они какое-то время не могли подобрать мелодию, чтобы каждый хорошо её знал. Затем Агафонов догадался, что нужно сыграть блюз.

Всё же происшествие случилось. Степан, отдохнув после спуска со мной, ушёл помогать спускать груз с лагеря 4 200 на 3 400. Они вместе с Витьком спускали одновременно двое гружёных саней. Это увидел Олег Банарь, велел одни сани оставить и спускать по очереди, сперва одни, затем другие. Они вбили кол перед одними санями, а другие стали спускать. Сани были очень тяжёлые и стояли прижаты друг к другу. И когда одни стали сдергивать с места, то другие тоже сдвинулись, сбив забитый перед ними кол. Быстро набрав скорость, улетели в

ущелье. Витьк со Степаном спустили сани в лагерь на 3 400 и рассказали о случившемся. Решили идти попробовать достать пропажу. Взяли верёвку, маленькие сани, и все, кроме нас с Игорем, ушли. Как сказал Матвей, в тех санях, кроме всего прочего, были его фотоаппараты, спутниковые телефоны, кинокамера, дневник, видео- и фотоснимки. Дальнейший спуск, наверное, придётся отложить, так как не знаем, когда все вернутся. Думая о дальнейшем продвижении, о том, как бы быстрее попасть на «зелёнку», незаметно уснул. Проснулся от громкого разговора. Это парни, вернувшись, обсуждали, кто виноват в потере саней. Они так и не пришли по этому поводу к единому мнению. Зато приняли одно правильное решение, больше туда не ходить. Итог подвёл Агафонов: «Мы ногами подрезали снег, пройдя вдоль обрыва. Теперь он в любую минуту может сойти вниз и похоронить нас вместе с пропавшими санями». С этим все согласились. Олег же подытожил: «Гора взяла своё».

Тропящие

19 июня. Встал в десять часов. День провёл кое-как. Ночью пошёл очень сильный снег. Он продолжается и сейчас. Когда пошёл на завтрак, не заметил, как потерял свою ложку. Следом за мной, через пару минут, в «зиму» зашёл Макс и спросил: «Кто потерял главное орудие труда?» Оказалось, что я. Во время завтрака промок. В «зиме» капель, нет сухого места. Сидел на бауле с вещами, подо мной образовалась лужа, и промок мой непромокаемый комбинезон. Новые заплатки не спасли от воды. Весь день сушился в палатке, играл в шахматы с компьютером. На улице снег превратился в дождь. Выход назначили на двенадцать часов ночи. Опасность попадания в одну из многочисленных трещин, которые довольно часто будут пересекать начиная с этой высоты наш путь, постоянно возрастает благодаря тёплой погоде. Такое здесь случается периодически. К вечеру поднялся ветер и разогнал все облака. Стало заметно прохладнее. Здесь в горах не совсем обычная погода. В одном ущелье может идти снег, а в соседнем солнечно и без осадков. Иногда можно наблюдать такую картину. Например, облака заполняют одно ущелье всё выше и выше до тех пор, пока не найдётся в горной гряде небольшая ложбинка. Заполнив ущелье, облака доходят до этой ложбинки и начинают переливаться в соседнее ущелье. Потрясающее зрелище, такой облачный ручеек. Вот вам и урок физики с темой о сообщающихся сосудах. А иногда тёплые потоки воздуха создают заслон, не пускают холодные массы, и они клубятся, не находя выхода, поднимаются над хребтом, а там ветер разрывает их в клочья, и они пропадают.

20 июня. Одна из главных наших с Игорем задач – не быть в тягость команде. Мы всеми силами стараемся это выполнять.

Работа на кухне была почти всегда за нами. Сегодня выходим в ночь, значит днём будем отсыпаться. Собрали свои личные вещи, упаковали, помогли собраться нашим постоянным помощникам Борису и Анатолию. Без четверти двенадцать были готовы к выходу. Наши палатки, которые ещё не убрали, и палатки других экспедиций, что находились в этом лагере, трепал порывистый ветер. Из-за лёгкого морозца он становился колючим. Мы с Игорем волнуемся, нужно идти, а наши парни всё сидят в «зиме» и разговаривают. Как будто мы уже на ледо-лом аэродроме в ожидании самолёта. Но вот наступил долгожданный момент, когда, наговорившись, обсудив план выхода и движения, стали собирать остатки лагеря. Управились только к часу ночи.

У ночи на Аляске есть большое преимущество по сравнению с нашими ночами в июне. Хотя у нас темнеет в этот период поздно, а светает рано, здесь же круглые сутки светло, всё ещё длится полярный день. Первыми вышли тропящие, двое Саш и Степан. Они тяжело гружёными санями пробивают остальным дорогу. Из-за плохой погоды лагерь не покидал никто из всех команд, присутствующих на высоте 3 400. Тропящие шли по целине по колено в снегу, мы следом, каждый в своей связке. Перед самым выходом было принято решение, чтобы идти парными связками.

Ветер, потеряв силу, выдувал нам в спину свои слабые остатки, как бы провожая нас в ночь, которая отличается от дня тем, что на небе нет солнца. Постепенно стал крепчать мороз, который перенял эстафету у снега и ветра. Он бодрил нас и не давал застаиваться во время отдыха, сразу же пробираясь своими холодными острыми пальцами к разгорячённому ходьбой телу. Тропящие менялись через каждые двадцать-тридцать минут. Глубокий снег и тяжёлые сани быстро отбирали силы у идущего первым. Начинаясь процедура замены лидера. Он отходил на шаг в сторону от еле угадываемой тропы, отцеплялся от страховки. Затем не торопясь доставал пуховик и, как человек, которому некуда спешить, медленно надевал его. Тот, кто шёл вторым, делал эту же процедуру, но в обратном порядке, медленно снимал свой пуховик, как бы оттягивая время.

не решаясь занять трудную роль лидера. Он знал, что минут через семь-десять ему станет тепло и без пуховика, через пятнадцать-двадцать станет очень жарко, а через полчаса он выбьется из сил. И также отойдёт на шаг в сторону, не торопясь достанет свой пуховик, предвкушая, что около часа ему будет идти сравнительно легко.

Бывшая тропа едва угадывалась по вешкам с флажками, которые ставят рейнджеры. Но видны лишь самые макушки, всё засыпал выпавший накануне снег. Вешки указывают нам дорогу к ледовому аэродрому. Мы не решили заранее, пройти весь маршрут или половину. Оставили принятие решения до большого отдыха на середине пути. Вот впереди идущие предупреждают нас о трещине. Её не видно, выпавший снег замаскировал её. Подходим мы с Борисом. Он идёт немного позади меня, поэтому я начинаю искать трещину лыжной палкой. Раз за разом она упирается в жёсткий наст под рыхлым снегом и неожиданно проваливается! Внутри у меня все сжалось – испугался. Рядом с тем местом, где провалилась моя палка, увидел отверстие от другой палки, нужно было внимательно смотреть, тогда бы не испугался. Показываю Борису, где трещина, и мы аккуратно проходим её. Мне трещины не так страшны, как Борису, ведь у меня площадь опоры большая, а кто без лыж, для них ситуация опаснее. Поэтому для безопасности мы шли в связках...

Время четыре часа утра, приближаемся к ущелью. Предстоит крутой спуск. Борис поддерживает меня, чтобы я не умчался вниз сломя голову. Ущелье заполнено туманом и напоминает огромную чашу, наполненную горячей водой, от которой поднимается пар. Тропящие провели замену лидера. Вот уже первый шагнул в туман и стал растворяться в нём, за ним второй, третий... И вот уже еле различима фигура Анатолия с рюкзаком, похожим на медведя, взгромоздившегося на его спину, совсем тает в тумане. Настала и наша очередь окунуться в эту туманную купель. Это, наверное, влага от выпавшего накануне снега собралась здесь, в низине. Становится страшновато. Видимость пять-семь метров. Как бы не сбиться с тропы. Трещины, которые здесь в изобилии, лениво и хищно подстерегают

своих жертв – неосторожных альпинистов, словно ждут, когда кто-нибудь нарушит технику безопасности или попросту сойдёт с тропы. Вот показалась первая вешка уже здесь, в тумане. Немного отлегло. Может, это мне как новичку кажется, что невозможно отыскать тропу, а для опытных – это рядовая ситуация? Проходим ещё несколько вешек, они расставлены примерно метров через сорок-пятьдесят, туман неожиданно расступается. Внизу ровное поле, в конце его наши тропящие, к ним приближаются Игорь с Анатолием. Туман прошли благополучно. Ух!..

Порозовели вершины гор, это встало солнце. Мороз на рассвете не окреп, наверное, пощадил нас, а может, мы, разгорячённые ходьбой, не заметили этого. Благополучно добрались до намеченного места, где к нашему с Борисом приходу стояла «зима». Попили чаю, немного отдохнули и сообща приняли решение двигаться дальше, до конечной точки – ледового аэродрома. До которого осталось примерно семь – девять километров.

Последний рывок

Этот заключительный отрезок пути начинался с трещины. Она находилась в небольшом углублении, была шириной не более полуметра. Останавливаясь и пытаюсь понять, крепкие ли у неё края. Подошёл Степан. Я попросил его помочь перебраться на другую сторону, но он, извинившись, что не сможет помочь, перебрался в стороне от тропы и пошёл дальше. Мне сразу же вспомнилось его печальное знакомство с трещиной на пике Ленина, и я постарался его понять. Потихоньку спустился к трещине, встал над ней. Дна не видно. Оглянулся назад, Агафонов стоял возле своей поклажи как бы прикидывая, дотащит или нет. Больше никого не было видно, остальные были ещё в палатке. Немного сдал назад, резко оттолкнулся палками, хотел проскочить трещину и выбраться наверх. Попытка оказалась неудачной, пришлось повторить. Со второго раза выбрался на тропу и пошёл вперёд. Местность не узнаю, как будто иду здесь впервые. По моим воспоминаниям, от лагеря на аэродроме мы спустились вниз и шли по ровной местности до первого промежуточного лагеря. Только перед самым лагерем был небольшой подъём, значит, сейчас должен быть спуск. Но его почему-то не было, а было ровное поле, испещрённое трещинами. Они пролегли в основном слева и справа от тропы, но некоторые пересекали её, создавая определённые трудности.

Впереди появился овраг, а слева от него воронкообразное углубление. От усталости движения рук были не очень уверенными, и мне приходилось очень осторожно преодолевать этот опасный участок. Выбравшись из оврага, решил набрать прежний темп движения, но усталость брала своё. Мне пришлось всё чаще и чаще останавливаться для отдыха. Особенно трудно было там, где тропа шла вдоль по склону. Приходилось ехать с наклоном то в одну, то в другую сторону. На таких участках

больше нагрузки шло на ту руку, которая была внизу. После большого отдыха, когда приняли решение двигаться дальше, прошло почти два часа. Решил отдохнуть минут десять, но через пару минут понял, что засыпаю. Пришлось отказаться от отдыха, иначе парням придётся тащить меня точно так же, как они тащат гружёные сани.

Тропа повернула влево, в новое ущелье. Внимательно вглядываюсь вперёд, по сторонам, но, увы, по-прежнему не узнаю местность и не могу определить, далеко ли до конечной точки. Оглянулся назад. Меня догоняли трое или четверо парней с большими санями. Значит, наши. Наверное, я сильно сбавил темп своего движения, но добавить, как ни старался, уже не смог. Слева от меня сошла небольшая лавина, нормальное явление для этих мест. Помню, после прилёта на ледник с нами были оператор и корреспондент с НТВ. Оператор снял на камеру сходящую лавину. Я тогда подумал: «Вот возьмут, сделают монтаж, засунут нас под лавину. Родные увидят и будут переживать». Опять зашумело. Поднял голову, огляделся: лавины нет. Но шум в отчетливо слышу. Решил, что лавина сошла по другую от меня сторону горы. Сделав несколько медленных глубоких вдохов, пошёл дальше. Впереди справа увидел оранжевые и чёрные шары. «Опять трещины, – подумал я, – и, наверное, очень опасные, раз так чётко отмечены». Но тут меня опять оталёк шум, похожий на лавину, и я понял, что слышу этот шум давно, с поворота в это ущелье. Вдоль тропы слева и справа встречаются небольшие отверстия. Наверное, кто-то ходил здесь и проваливался в замаскированные трещины, вот и наделали эти дыры. Осмотрев горы уже в который раз, стал внимательно прислушиваться и понял, это подо мною шумит река! Глубоко внизу, под толщей снега и льда, течёт река. А через эти отверстия звук вырывается наружу. Навстречу мне шли трое в связке и налегке. Я не сразу догадался, что они отрабатывают движение в связке. Значит, рядом аэродром! Оранжевые и чёрные шары – это не обозначение очень опасных участков, а взлётно-посадочной полосы для самолётов. ДОШЁЛ! Слава Богу!.. Добрался...

Горы обрели знакомые очертания. Узнал возвышенность, на которой стоит лагерь. Отсюда мы начинали своё восхождение

на Мак-Кинли. Альпинисты называют эту возвышенность «подъёмом инфарктников». Уставшие от долгого пути люди от радости, что дошли, не контролируют своё состояние и пытаются быстрее подняться в лагерь. У некоторых сердце не выдерживает двойной нагрузки – радости и трудного подъёма. Теперь не сдаваться, только вперёд. Догнали парни. Первым идёт Макс. Он не стал обгонять меня, хотя я предложил ему это сделать. После каждых десяти-пятнадцати толчков палками останавливаюсь и перевожу дыхание. Сил уже практически не осталось. Макс и остальным парням тоже приходится останавливаться. И если мне нужно стронуть в гору самого себя, то парням раз за разом приходится сдёргивать с мёртвой точки тяжёлые сани. Но несмотря ни на что они продолжали идти за мной. Макс сказал: «Ты один из двух главных героев восхождения и ты по праву должен войти в лагерь первым».

Встречали нас всем лагерем аплодисментами и восторженными криками. Рейнджеры угощали нас апельсиновым напитком и что-то оживлённо говорили нам, зная наверняка, что мы их не понимаем. Так незнакомые люди приветствовали меня и Игоря, инвалидов-колясочников, покоривших популярнейшую вершину Заполярья – Мак-Кинли, преодолевших высоту 6 194 метра. Обессиленный, но счастливый, я первым вхожу в лагерь...

Выход есть!

В адрес экспедиции были присланы поздравительные телеграммы. В телеграмме президента России Владимира Путина были такие слова: «...Восхищён мужеством спортсменов-инвалидов, которые в составе команды поднялись на вершину. Вы не просто покорили легендарную горную высоту, но и взяли ещё один рубеж в вашей жизни».

Пришло поздравление от мэра Москвы Юрия Лужкова: «Уверен, что нынешняя победа на Мак-Кинли станет не только страницей истории этой вершины, но и явится примером стойкости и мужества, послужит мощным импульсом в формировании общества равных возможностей, что является актуальнейшей задачей современной жизни».

Были тёплые пожелания от президента Республики Башкортостан Муртазы Рахимова: «...Ваша акция имеет глубокий социальный смысл, она ещё раз подтвердила, что инвалиды и здоровые могут работать вместе. Особо мы гордимся нашим земляком Григорием Царьковым из Кумертау»; от губернатора Курской области Александра Михайлова: «...Уважаемый Матвей Дмитриевич! Поздравляю Вас, курянина Игоря Ушакова и других членов команды с победой на Аляске. Ваша экспедиция на вершину Северной Америки – пример прекрасно организованного мероприятия национального масштаба, пример патриотической акции».

Спикер Брайн Потер из Анкориджа (Аляска США) так отзывался о нашей экспедиции: «...Вы стали героями для всей Аляски, Америки и особенно для ваших земляков в России. Мы благодарны и горды, помогая вашей экспедиции в достижении таких важных целей. Наиболее примечательно то, как ваша экспедиция продемонстрировала всему миру, что человек с ограниченными физическими возможностями может достичь того, о чём многие здоровые люди лишь тайно мечтают».

Во время подъёма с высоты 5 200 на 5 900 у меня был критический момент, хотелось всё бросить, как-то разом навалились плохое настроение, усталость, тошнота. Вновь стал думать, зачем мне это нужно – мучить себя и так далее. Но здравый смысл всё-таки взял верх над этими чувствами. Вспомнил, как нас провожали американские инвалиды. Они были рады уже тому, что мы с Игорем согласились попробовать подняться на Мак-Кинли, и как-то по-особому, с уважением смотрели на нас. Кроме нас, тех, кто может вести активный образ жизни, есть и такие инвалиды, которые не в состоянии самостоятельно передвигаться, и жизнь их проходит не в пример нам труднее и ограниченнее. И я думал, что, может быть, наша победа подвигнет кого-то из них на достижение своей «вершины», победы над ситуацией, болезнью, проблемой. Будучи уже дома встретился с одной женщиной, Любой. У неё сын болен ДЦП (детский церебральный паралич). Она рассказала: «Когда сын узнал о том, что Вы поднялись на вершину, это его вдохновило. Раньше он мог немного самостоятельно передвигаться, но уже несколько лет не ходит, передвигается только на коляске. Он сказал, «раз дядя Гриша смог подняться на гору, неужели я не смогу опять научиться ходить?» Стал заниматься, заставлять себя стоять и делать шаг за шагом (раньше я не могла его заставить никакими уговорами) и, что самое главное, он пошёл! Стал не только по квартире передвигаться, но ходить по городу с двумя тростями». И это он продолжает делать уже более шести лет. У парня это было не сиюминутное желание, которое пропадает при первой же трудности. Разве это не достижение своей вершины!

Чего я никак не ожидал, и о чём не думал, так это то, что вполне здоровые люди смогли найти для себя стимул в нашем восхождении. Благополучная чета предпринимателей Алексей и Лиля, имеют троих детей, признались мне, что наше восхождение помогает им в жизненных трудностях. Лилия говорит: «Ещё Шопенгауэр был убеждён в том, что здоровье есть величайшее сокровище, перед которым всё остальное – ничто. Долгое время и я так считала. Однако вы с командой совершили нечто, что помогло мне понять: в любой ситуации внутреннее состояние

человека обязательно поможет преодолеть те препятствия, которые ставит жизнь, от которых опускаются руки, и кажется, нет сил их преодолеть. В такие минуты я вспоминаю ваше восхождение и говорю себе: «Ничего, дорогая, прорвёмся!»

После прилёта в Москву были пресс-конференции, различные встречи, интервью. Мы со Степаном жили в одной комнате, общались так, как будто между нами ничего не было. Он провожал меня домой в аэропорт. Когда был сдан багаж, уложены разные формальности, ему нужно было ехать в другой аэропорт, лететь в Красноярск. В последний момент Степан наклонился ко мне, обнял за плечи и сказал: «Прости за срыв перед вершиной, я не хотел, это гора так подействовала». Я ему ответил: «Неужели ты не заметил, что я тебя давно простил, ещё там, на высоте 5 900, когда согласился спускаться с тобой». «Заметил, – сказал он, – но мне всё равно нужно было попросить у тебя прощения»...

Самолёт поднялся над облаками. Слишком много всего произошло. Многое предстоит обдумать и во многом разобраться. Но, мне думается, кое-что я уже понял. Понял, что у меня есть Бог, который помогает мне в трудностях, есть дом, где меня ждут мои любимые люди. Я понял, что у меня есть Родина, великая и красивая. Я понял, что многое можно совершить и в нашей стране, и в мире. У нас много единомышленников.

Я пишу эту книгу для тех, кто хочет чего-то достичь, а также для тех, кто разочаровался в себе и разуверился в своих силах. Всем, кому сейчас трудно, кого сломила горе, недуг – всем вам хочу сказать, что выход есть! Для этого нужно примириться с Богом! Можно многого достичь и многое преодолеть под благословением Божьим! И пусть у каждого будет своя вершина, которую он обязательно преодолет, и будет цель, которую он сумеет достичь. Я верю.

Тренировочный выход

Приятные минуты отдыха

Подгонка пещеры под свой рост

Физическая работа позволяет быстрее адаптироваться

Утро на высоте 4 600

Подъём по Спасательному кулуару

Связка «Царьков – Смолин»

Флаг Республики Башкортостан на Мак-Кинли

«Мочалкин блюз»

На вершине

Фото на память

Долгожданный самолёт

Ходить в горы - хорошая возможность перезимовать лето

Медобследование - обязательная процедура

Чистые сердцем

Вовка, проснувшись, лежал с закрытыми глазами и пытался вспомнить, что послужило его пробуждению. Внутри у него было какое-то беспокойство, но от чего, он не мог понять. И тут как бы издалека до него стал доноситься голос бабушки: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят...», Вовку словно пружиной подбросило на кровати. «Чистые сердцем, чистые сердцем...» – повторял Вовка. Вот что его разбудило! Он уже не слышал молитвы бабушки, а торопливо одевался, как будто боялся опоздать на очень важную встречу.

Вчера после уроков Вовка зашёл за Генкой, чтобы погулять с ним во дворе. Была пятница, и впереди были два выходных дня. Но друг предложил поиграть у него дома, пока не придёт его мама. Дружить они стали недавно. Гена не был похож на других ребят, на его детском лице было выражение взрослого человека. Хотя они были ровесники, Гена на многие вещи смотрел по-взрослому. Переживал о маме, которой приходилось много работать, о сестрёнке, что она часто болеет. Мечты и желания у него были не по-детски серьёзными и практичными.

Ребята стали играть в «чапаевцев». Щёлкая пальцами по шашкам, сбивая их друг у друга. Лицо у Гены посветлело, сошло не присущее детям выражение серьёзности и ответственности. Он бурно радовался своим победам и не на шутку огорчался неудачам, но ненадолго. Вдруг послышался стук двери в прихожей, и мужской сильный голос спросил: «Мать, ты дома?» Затем тишина. «Нету, пойдём на кухню», – сказал тот же сильный голос. «Это батя с другом, давай потихоньку», – прошептал Генка, вновь став не по-детски серьёзным. Игра потеряла лёгкость, непринуждённость и протекала вяло, без азарта. Генка прислушивался к разговорам на кухне и без конца поглядывал на часы. Опять послышался стук входной двери и радостный голосок девочки: «Папа дома, папа дома!..» Ребята стали

Возвращение в первый лагерь на ледник Какхатна

Весь мир на ладони...

быстренько собирать шашки, чтобы пойти во двор. В комнату заглянула мама Гены, поздоровалась и кивком головы позвала сына. Это была невысокая худощавая женщина, тёмные круги под глазами немного старили её, но красота всё же была заметна. Гена был похож на неё.

– Антонина, – услышался тот же сильный голос, который Вовка уже слышал, – смотри, как Леночка меня любит, с рук не сходит, а Генка почему-то с подлостью смотрит, наверное, напеть ему успела про отца.

– А зачем мне ему про тебя плохое говорить, – ответила Генкина мать, – он уже большой, и сам видит, как ты себя ведёшь.

– Генка, – позвал отец, – подойди-ка, я тебе объясню, как настоящим мужчиной стать.

– Тебе самому приятели невесть что наговорили, жизнь на перекося пошла, не просыхаешь от спиртного и сына хочешь с пути сбить. Не слушай его, Гена, он сейчас злой на всех людей, на сердце грязь одна, поэтому и говорит плохое, – сказала мама Гены.

Мы с Генкой быстро выскочили из квартиры.

– Отец недавно из тюрьмы пришёл, – объяснил Генка, – мама сказала, что он по доверчивости своей попал, мужики наговорили, что можно лёгкие деньги зарабатывать, он и поверил. Принёс домой что-то на хранение, а потом милиция с обыском пришла, ему за это два года дали. Мама говорит, он слабохарактерный, поэтому и попал под влияние плохих людей. А вообще, он хороший.

Мы сидели на декоративном заборчике, отделявшем детскую площадку от проезжей части дороги.

– Мы с отцом и парусник делали, ходили пускать его на пруд. И воздушного змея запускали, и на рыбалку с ночёвкой ездили, а сейчас...

Генка, не договорив, отвернулся от меня. Видно было, что он готов заплакать, но пересилив себя он сказал:

– Мама говорит, Бог даст, изменится, ей кто-то сказал, что за него молиться надо.

– У меня бабушка каждое утро молится, – сказал Вовка, – я попрошу её, чтобы она за твоего папу помолилась.

Ему очень хотелось помочь другу! Из надвинувшейся на город небольшой тучи стал накрапывать мелкий осенний дождь. Посидев ещё немного, приятели разошлись по домам. По дороге домой Вовка забыл своё обещание. Дома он поиграл на компьютере, тут на глаза ему попался незаконченный звездолёт из конструктора, позанимавшись этим делом, он лёг спать.

Утром, проснувшись, Вовка оделся, сходил умылся и уселся на кухне, поджидая с нетерпением бабушку. Ему было стыдно, что он забыл вчера попросить бабушку помолиться за Генкиного отца. Время для Вовки текло очень медленно, ему казалось, что бабушка выйдет из своей комнаты не раньше обеда. Со двора доносился весёлый смех ребятни и лай щенка. Вовка подошёл к окну и стал смотреть, как щенок гоняется за мальчишками. Это отвлекло его, и мальчик не заметил, как подошла бабушка. Она положила руку ему на плечо и сказала:

– Храни тебя Господь. Ты что, проголодался, встал так рано?

– Есть я не хочу, – сказал Вовка, – у меня к тебе просьба.

– Какая просьба, оладушек хочешь? – спросила бабушка.

– Нет, Генкиной маме кто-то сказал, что нужно молиться за мужа, чтобы он опять хорошим человеком стал. Помолись за него, пожалуйста.

– А он плохой человек? – бабушка внимательно посмотрела на внука.

– Не знаю, – ответил Вовка. – Генкина мама говорит, что у него сердце грязное и поэтому он говорит плохое. Бабуль, а как можно сердце помыть?

– Да как же его помоешь, ведь это не руки, не голова: под кран не засунешь, – задумчиво отвечает бабушка. – Его пачкать не нужно, тогда и мыть не придётся.

– Бабуль, – говорит Вовка, во все глаза глядя на бабушку, – сердце же внутри находится, как же его испачкать можно?

– Как можно испачкать, говоришь? – бабушка пристально вглядывается в лицо внука, как бы определяя, сможет ли он правильно понять её ответ. – Например, когда человек замышляет зло против другого человека, – это грех. Когда человек любит воровать или обманывать, когда не хочет прощать или

завидует, – это тоже грех. А любой грех есть грязь для сердца, теперь знаешь, как можно его испачкать?

– Знаю, – ответил Вовка, – как же теперь Генкиному папе быть, если сердце помыть нельзя?

– Генкиному папе самому нужно об этом подумать. В Евангелии написано: «Что не возможно человеку, возможно Богу». Пусть обратится к Богу с этим вопросом, Он всё может.

– Я сейчас к Гене пойду, расскажу, как его папе помочь можно, – заторопился внук.

– Сначала позавтракай, потом иди, – возразила бабушка.

– Приду, потом поем, – нетерпеливо возразил Вовка.

– Непослушание – это тоже для сердца маленькое пятнышко, – спокойно с улыбкой сказала бабушка.

Ни слова не говоря, Вовка сел за стол в ожидании завтрака.

Кто твой ближний

Жарким июльским днём Алёша с родителями переехал на новое место жительства. Тот факт, что микрорайон, в котором они теперь будут жить, находится на окраине города, его ничуть не смущал. Даже мама с радостью согласилась оставить общежитие в центральном районе города, только бы жить в отдельной квартире. Папа для подстраховки очень красочно рассказывал о небольшом лесочке, который в двух шагах от дома, где грибов и ягод растёт больше, чем листьев на деревьях. О круглом озере, которое возле этого леса, где караси такие жирные, что жарить их можно без масла. Все весело хохотали над папиным рассказом и были несказанно рады своей новой квартире.

Алёше понравилось гулять по этому лесочку, правда он больше походил на обыкновенную посадку, но лес от этого ничуть не терял своей привлекательности. Мальчик любил играть то в пограничников, сидя в «секрете» в густом кустарнике. То шёл, как первопроходец, оставляя условные знаки тем, которые когда-нибудь пойдут по его следам. Пробовал он и карасей ловить, приходил и утром, и днём, но так и не смог

выудить ни одного. Здесь на берегу озера Алёша познакомился с ребятами, Димой и Серёжей. Как оказалось, они тоже не так давно переехали в этот микрорайон. Они стали вместе проводить свободное время. Всё лето берег не пустовал, озеро притягивало людей своей доступностью и прохладой.

Так день за днём пролетело лето. Наступил сентябрь. Алёша пошёл в школу, в шестой класс, а после уроков он ходил в секцию борьбы, куда записался ещё во втором классе.

Как-то после тренировки придя домой, он застал родителей, оживлённо беседующих о папином брате Николае, который позвонил и сказал, что заедет на пару дней, если брат с женой не против. Мама почему-то называла его «немного странным», у Алёши это определение вызвало желание по-быстрее увидеться с дядей. Родители готовились к встрече Николая, а сын пошёл делать уроки. При встрече дядя сказал, что заехал порадоваться с ними новому жилью. Вечер за разговорами пролетел быстро. Ничего странного за дядей Алёша не заметил, кроме слов «слава Богу» или «благодарю Господа моего Иисуса Христа», которые раньше мальчику не приходилось слышать. Алёше он пообещал рассказать о героях Библии. Весь следующий день мальчик ждал встречи с дядей, ему хотелось по-быстрее узнать, что же это за герои. Дядя Коля рассказал о Давиде и Голиафе, каким образом юноше удалось победить великорослого тренированного воина, о Ное и его ковчеге, в котором спаслись от потопа люди и все живые существа. О самом мудром царе Соломоне и о других героях. Ещё дядя рассказывал о евангельских заповедях, по которым должны жить люди. За эти два дня, которые дядя Коля провёл у них, Алёша узнал так много нового, что ему было искренне жаль с ним расставаться.

Дядя уехал так же неожиданно, как и появился. Время шло своим чередом. Была середина ноября. Дни стояли морозные, но снег ещё не выпал. Вечером папа сказал, что нужно сделать кормушки для птиц, ведь скоро зима, и предложил Алёше сходить в лес посмотреть, где удобнее их повесить. В выходной день Алёша пошёл в лес. За время учёбы он был в лесу раз или два, да и то в начале сентября. Тогда лес был красив своим разнообразием красок. Сейчас этого уже не было, только сосны

стояли зелёные, выделяясь на фоне других деревьев, которые казались безжизненными. Мальчик походил по лесу, нашёл подходящие, на его взгляд, деревья, на которых можно было развесить кормушки. Со стороны озера были слышны голоса. Алёша решил посмотреть на озеро. Выйдя из леса, он увидел компанию взрослых людей с детьми, которые расположились недалеко от воды. Они жгли костёр и оживлённо беседовали. По берегу, ближе к озеру шла девочка-подросток, ведя за руку маленького мальчика. Алёша посмотрел на озеро: «Странно, подумал он, вода почему-то стала тёмной, даже можно сказать чёрной, а ведь летом была светлая, прозрачная». Вдоль берега была небольшая, чуть больше метра, кромка льда. Когда девочка поравнялась с Алёшей, кто-то из взрослых окликнул её, велел им идти обратно. Девочка развернулась, не выпуская руки мальчика, и они пошли обратно. В свободной руке мальчик держал какую-то игрушку. Уронив её и увидев, что она медленно скользит по льду в воду, ребёнок выдернул свою ладошку из руки девочки и быстро шагнул за игрушкой на лёд. Девочка не успела его схватить, мальчик, поскользнувшись, упал и скользнул по льду в воду. Девочка, испугавшись, пронзительно закричала. Алёша не раздумывая бросился спасать мальчика. Как только он ступил на лёд, тот треснул и провалился под ним. Двигаясь вперёд по инерции, Алёша упал в воду. Мальчик между тем ушёл под воду с головой.

Алёша, не вставая, стал лихорадочно его искать. Нащупав его под водой, Алёша подтянул мальчика к себе и встал на ноги. Воды было ему по грудь, и он с трудом продвигался к берегу, крепко прижав мальчика к себе. Подоспевший мужчина взял из рук Алёши мальчика и побежал по направлению жилого дома, другой помог Алёше выбраться из воды, и они тоже побежали домой. Мокрая одежда сковывала движения, бежать было трудно, но особую неприятность доставляла вода в ботинках. Алёша попросил мужчину остановиться, чтобы вылить воду. Пока снимал ботинки, выливал воду, успел продрогнуть, но пока добежали до подъезда – согрелся. Мужчина спросил, в какой квартире он живёт, и проводил до двери. На звонок дверь открыла мама, она, вскрикнув от увиденного, стала помогать

Алёше раздеваться, то ругая, то жалея его. На шум вышел папа, мужчина рассказал о случившемся и, поблагодарив родителей за хорошее воспитание сына, ушёл.

После горячей ванны, в которой отогревался Алёша, семья собралась на кухне, за чашкой чая.

– Зачем ты полез в воду, – с тревогой в голосе спрашивает мама, – ты же мог утонуть?»

– Я помогал своему близкому, – стараясь говорить твёрдо, сказал Алёша.

– Сын правильно поступил, по-мужски, – поддержал сына отец. Вдохновлённый поддержкой отца, Алёша продолжил:

– Дядя Коля мне говорил, есть две заповеди, по которым жить нужно: «Возлюби Господа Бога твоего», это первая, и вторая: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя».

– Ну какой он тебе ближний, какой? Ты ни его имени, ни фамилии не знаешь, а говоришь ближний», – с болью в голосе сказала мама.

– Ближний не обязательно тот, кого ты знаешь, ближний тот, кого ты видишь в беде, и он нуждается в помощи», – ответил сын.

– А если бы ты стал тонуть, – не сдавалась мама, – кто бы тебе помог?

– Наверное, тот дяденька, который проводил меня до дома, – немного подумав, сказал Алёша и пошёл к себе в комнату, чтобы осмыслить пережитое.

Сила прощения

В четверг Артёма не было на занятиях, в классе решили, может быть, простудился, ведь весна на улице. В пятницу классный руководитель сказал ребятам, что Артём лежит в больнице, ему срочно нужно сделать переливание крови, пусть каждый попросит своих родителей сдать кровь, чтобы помочь мальчику. Сашка заёрзал на своём стуле, как будто он стал горячим. Он почувствовал себя виновным в том, что Артём лежит в больнице. «Но я его давно уже не обижал, – оправдывал он

сам себя, – даже дружить предлагал, а он не захотел. Ну почему же мне плохо от того, что одноклассник лежит в больнице? Ведь это не по моей вине, ну обижал я его, и не его одного, а других тоже. Виталика вон побил, так родителей в школу вызвали, дома папа наказал за это, но с Виталькой же ничего не случилось». Как ни оправдывал он себя, не мог найти успокоения. Внутри у Сашки что-то горело, он не знал, что ему сделать, чтобы пришёл покой, чтобы освободиться от чувства вины и стыда. Он и клятву себе дал, что больше никогда не будет обижать Артёма, даже будет, если нужно, заступаться за него, когда тот выздоровеет, но и это не помогало.

Дома он рассказал родителям о просьбе учителя сдать кровь и с мольбой смотрел на них, чтобы они согласились. Мама сказала, что она не сможет, что на работе аврал, её не отпустят. Папа, к радости сына, дал согласие. Но даже согласие папы сдать кровь почему-то не принесло успокоения. Половину ночи Сашка проворочался, прежде чем уснул.

На следующий день в школе он с радостью сказал, что его папа идёт сдавать кровь для Артёма, но эта радость была короткой. Все уроки он был тихим и ни к кому не приставал. Как только звонок сообщил об окончании последнего урока, он быстро выбежал на улицу и пошёл домой. В голове роились мысли о том, как бы помочь однокласснику. Сперва он хотел написать короткие записки и положить их в почтовые ящики своего дома и в соседние тоже. Но потом передумал, люди не поверят. Мысли сменялись одна за другой, но все были какие-то не реальные. «А что если мне самому, – тут у него перехватило дух, – и правда самому пойти по квартирам и рассказывать об Артёме, что ему срочно нужна кровь. Это же здорово!» Сашка не раздумывая пошёл по подъезду, обходя квартиру за квартирой, из подъезда в подъезд. Когда ему открывали дети, он спрашивал, есть ли взрослые дома, и когда взрослые подходили, рассказывал им об Артёме, что ему срочно нужна кровь. На первый вопрос: «Кто этот Артём, твой брат?», он замешкался, а потом смело отвечал, что Артём его друг. Чаще всего определённо никто не отвечал, но обещали позвонить родителям, так как Сашка для убедительности оставлял номер домашнего телефона.

Не прошло и часа, а ему казалось, что он ходит с раннего утра, болели не только ноги, но и всё тело. Он говорил себе: «Терпи, Сашка, ты делаешь полезное дело, Артём же терпел тебя, когда ты его обижал, не отвечал злом на зло. Тогда ты делал плохо, а теперь – хорошо. Интересно, что же в Библии о прощении написано, что Артём так вёл себя со мной? И почему я у него об этом не спросил, может быть, там что-то важное написано». Так размышляя, Сашка подошёл к очередному подъезду: «Этот пройду и домой, а то завтра сил не хватит в школу пойти».

Придя домой он рассказал родителям, что ходил по квартирам и искал доноров для Артёма. Отец внимательно посмотрел на сына, потрепал его легонько по волосам и прижал к себе: «Молодчина! – сказал он. – Настоящая помощь другу». Сашке было немного не по себе от того, что они не были друзьями с Артёмом, а даже наоборот. «Но я ему обязательно предложу быть моим другом, – подумал он, – лишь бы скорее выздоровел».

В понедельник учитель сказал: «Артёму сделали переливание крови, и он скоро поправится. Ещё врачи меня просили поблагодарить друга Артёма, который нашёл ему доноров. Этот мальчик из нашего класса или нет?» Мальчишки переглядывались друг с другом, пожимая плечами. Сашка сидел молча, не показывая вида, что это его работа и это его называют другом Артёма. «Я сперва с ним и вправду подружусь, а потом можно будет и рассказать», – думал он.

Вечером он попросил родителей сходить с ним к Артёму в больницу, ему не терпелось увидеться с одноклассником, чтобы быстрее подружиться. В палату к больному их не пустили, но разрешили передать фрукты, которые они принесли. Сашка написал записку: «Выздоровлявай скорее. Твой друг Сашка». Артём был очень рад этой записке: «Хорошо, что не ответил злом на зло, – думал он, – приобрёл себе друга». Ему вспомнилось, что говорил Иисус в Евангелии, когда Его распинали: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают». «Спасибо Тебе, Иисус! Я обязательно расскажу о Тебе моему новому другу», – сказал Артём, его сердце переполняла радость!

Поход за подарком

В небольшом городе вместе с папой и мамой жили три брата. Костик, Тёма и Данька. Так называли их родители, друзья, да и все, кто их знал. Костику было одиннадцать лет, Тёме девять, а Даньке скоро исполнится пять. У братьев была своя комната – у окна стоял письменный стол, рядом на подставке аквариум, вдоль стен стояли кровати, двухъярусная и обыкновенная. У противоположной от окна стены стояла книжная полка, а рядом с ней большая картонная коробка, в которой лежали различные игрушки и другие нужные мальчишкам вещи. Всё интересное, что происходило в этой комнате, чаще всего было на втором ярусе кровати. Ведь, как известно, у мальчишек много секретов, самые серьёзные планы, мечты, желания, различные поделки, требующие секретного изготовления, – всего не перечислить. Верхняя кровать Костики, как считали братья, была самым подходящим местом для обсуждения настоящих мужских дел. Даньке старшие братья не всегда разрешали принимать участие в своих разговорах. Поначалу он плакал и шёл к родителям жаловаться на братьев. За это они называли его обидным словом «ябеда», а иногда не принимали в свои игры. Но со временем Данька сменил тактику. Он приглашал папу или маму в комнату и задавал различные вопросы, тем самым мешая братьям секретничать.

Этот вечер у мальчишек был необычным. Даньке разрешено было присоединиться к братьям. Разговор зашёл о дяде Андрее, родном брате мамы, который должен вскоре приехать в гости. Мальчишки по очереди высказывали различные предположения, что, по их мнению, может привезти им в подарок дядя Андрей. То перебивая, то споря друг с другом о том или ином предположительном подарке, каждый отстаивал своё мнение. У братьев оказалось больше желаний, и они, на взгляд Даньки, были интереснее тех, которые мог придумать он. Слушая их, и думая о чём-то своём, он незаметно уснул.

Проснулся Данька от громких возгласов, лежал он на своей кровати. За окном начинался новый день. Данька посмотрел на кровать братьев, она была пуста. Прислушиваясь к голосам,

доносившимся из другой комнаты, он поискал взглядом свою одежду. Боясь пропустить что-то интересное, он стал быстро одеваться, и не заметил, что надел футболку наизнанку. Когда мальчик вышел, все засмеялись, глядя на него. Данька, смущённо улыбаясь, хотел спрятаться за маму, но дядя подозвал его к себе. Положив ему руку на плечо, дядя посмотрел на него и сказал: «Да, время идёт», – и стал дальше продолжать свой рассказ. Братья, послушав ещё немного, отправились к себе в комнату. Там Данька узнал, что сначала дяде не давали отпуск, а когда дали, было трудно купить билет, поэтому он приехал без подарков. Но уже сегодня они все вместе пойдут в магазин, и он им что-нибудь купит. Ребята разыгрались и чуть было не опоздали на главное действие сегодняшнего дня – поход за подарком.

Мальчишки вместе со взрослыми вышли на небольшую площадь, где стояли крытые торговые прилавки. Торговали здесь в основном овощами и молочными продуктами. Вокруг этой площади были большие магазины и магазинчики, где можно было купить практически всё. Кто-то первым заметил небольшую зелёную горку, немного в стороне от прилавков. Это было время первых арбузов. Поэтому эта зелёная ягодная горка притягивала взгляды прохожих. Вся компания решила начать делать покупки именно с арбузов. Дядя Андрей брал арбуз, перекладывал с руки на руку, щёлкал пальцами по нему, даже пробовал сжимать. Мальчишки с замиранием сердца следили за каждым его движением, пытаясь предугадать, какой из них он выберет. Наконец, был выбран тот, который, по мнению дяди, был самым спелым.

Арбуз доверили нести ребятам. Покупка подняла настроение, и взрослые, весело переговариваясь, пошли дальше. Братья, чуть поотстав, шли за ними, бережно неся арбуз. Первым нёс его Костик. Тёма, семена рядом, договаривался с ним, откуда понесёт он. Данька же, весело улыбаясь, заглядывал то на одного брата, то на другого, путаясь у них под ногами. Всё внимание детей было приковано к арбузу. Предвкушая удовольствие, старшие братья мастерски изображали сценки поедания арбуза. Данька удивлялся, как здорово это у них получается, а он ничем похвастать не может.

Костик и Тёма уже успели пару раз подменить друг друга. Арбуз был хоть и желанным, но достаточно весомым подарком, и с ним было неудобно ходить по магазинам. Ребята решили отнести его домой, а потом присоединиться к остальным. Немного привыкнув к своей ноше, братья стали посматривать по сторонам. Вот стоят двое взрослых и с улыбкой смотрят на мальчиков. Мальчишки непроизвольно замедлили шаг. А вот девочка показывает на них рукой и говорит кому-то из родителей: «Купи, купи!» Братья прошли дом и вместо того, чтобы повернуть во двор, прошли мимо. Они заметили ровесников, которые во все глаза с удивлением смотрели на ребят: откуда у них арбуз? Все вокруг смотрели на мальчиков: кто с удивлением, кто с недоумением, а дети с нескрываемым желанием иметь такой же арбуз.

Братья не чувствовали под собой земли. Арбуз перестал быть тяжёлой ношей, казалось, что он воздушный шар, который помогает им парить над землей. Ещё никогда за всю свою жизнь дети не были в центре внимания, и чтобы продлить это счастливое состояние, уходили всё дальше и дальше от дома. Данька, наблюдая происходящее, улыбался в начале пути, но потом стал всё чаще вопросительно поглядывать на братьев. Он не мог понять, чему они радуются и почему всё дальше уходят от дома. А старшие братья, растворившись во времени и пространстве, наслаждались вниманием, неожиданно свалившимся на них. Ребята поглядывали на арбуз. Теперь им не хотелось его есть. Они понимали, что это не только вожаденная сахарная мякоть, но и объект внимания, которого им так не хватает.

Это непонятное блуждание Даньке порядком надоело, ему хотелось скорее получить свою сахарную долю. Он начал капризничать и звать домой. Братья нехотя согласились. Как только они направились домой, арбуз вновь стал неудобной ношей, оттягивающей руки. Придя домой, мальчишки увидели, что взрослые уже дома и недоумевают, где так долго ходили неслухники. Арбуз оказался сладким, просто сахарным.

После праздничного обеда троица опять собралась на втором ярусе. Они мечтали, как весной посадят у бабушки в огороде вместо картошки арбузы. Целое поле. «Конечно, арбузы лучше, они больше, чем картошка, и вкуснее...» – думал Данька засыпая, переполненный впечатлениями этого дня.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Вступление.....	8
Команда.....	9
Гостеприимная Америка.....	11
Подготовка к восхождению.....	16
Мак-Кинли манит.....	21
«Оппозиция».....	25
Белоснежная улыбка.....	29
Русские идут.....	34
Адаптация продолжается.....	38
«Это арктический альпинизм».....	41
«У вас одна дорога – только наверх...».....	46
Где же лето?.....	49
Фиолетовая заплатка.....	53
Главный штурм.....	58
Спасательный кулуар.....	64
Перегрузка.....	68
Звёздный час.....	72
Гора взяла своё.....	76
Тропящие.....	82
Последний рывок.....	86
Выход есть!.....	89
Рассказы.....	101

Документально-художественное издание

ЦАРЬКОВ Григорий Петрович

Восхождение на Мак-Кинли
Экспедиционный дневник

Печатается в авторской редакции

Компьютерная вёрстка: *О. Ялынская*
Корректурa: *С. Михайлова, Э. Галиахметова*

Подписано в печать 18.10.10. Формат 60x90 1/16.
Бум. офсетная. Усл. печ. л. 7,13.
Гарнитура «Cambria». Тираж 800 экз. Заказ № 100964.

ООО «Информреклама», 450078, г. Уфа, ул. Ветешникова, 97.
Тел. (347) 25-33-777. www.inforek.ru
Отп. в ООО «Информреклама»

Эта книга для тех, кто хочет чего-то достичь, а также для тех, кто разочаровался в себе и разуверился в своих силах. Всем, кому сейчас трудно, кого сломила горе, недуг – всем вам хочу сказать, что выход есть! И пусть у каждого будет своя вершина, которую он обязательно преодолевает, и будет цель, которую он сумеет достичь. Я верю.